

Богословские труды. Юбилейный сборник Ленинградской Духовной Академии

*Иеромонах И Н Н О К Е Н Т И И (Павлов),
преподаватель Ленинградской Духовной
Семинарии*

Санкт-Петербургская Духовная Академия как церковно-историческая школа

За 109 лет своего существования С.-Петербургская Духовная Академия (в дальнейшем — СПбДА) сыграла немалую роль в прогрессе русской церковной науки и богословской мысли, в развитии духовного образования и распространении христианского просвещения. Среди ее наставников и питомцев мы встретим известных богословов и философов, видных библиистов и филологов, прославленных миссионеров и выдающихся церковных руководителей, ревностных пастырей и неутомимых тружеников на ниве духовного просвещения. В настоящем очерке речь пойдет об историках Церкви, связанных с СПбДА своими учеными и наставническими трудами, а нередко и получением в ней образования. Церковная история в тех своих отраслях, которые сложились у нее в русской высшей богословской школе за более чем столетний период, оказалась представленной в СПбДА немалой плеядой тружеников, среди которых выделяется ряд выдающихся имен. Но что, пожалуй, еще важнее — так это направление, полученное ею как наукой в СПбДА с первых лет существования последней. В своем прогрессе оно, в свою очередь, привело к формированию тех научно-богословских принципов, которые приобрели значение для всей православной церковной науки и ныне дают нам в определенной степени право сказать о СПбДА как о церковно-исторической школе.

I

Прежде чем говорить об ученых трудах в области церковной истории и постановке ее преподавания в СПбДА начальных лет своего существования, небезынтересно будет сделать небольшой экскурс в историю богословского образования в городе на Неве в XVIII и самом начале XIX в. Дело в том, что в это время в духовных школах, явившихся предшественницами СПбДА, был предпринят ряд церковно-исторических трудов, равно как и осуществлялось преподавание истории Церкви. Причем, и то и другое отнюдь не оказалось изолированным от той работы, которая проводилась впоследствии в СПбДА.

Если открытая в 1721 г. архиепископом Новгородским Феодосием (Яновским) «по Высочайшему повелению» славенская школа при Александро-Невском монастыре давала лишь элементарную грамотность¹,

то сменившая ее в 1726 г. Александро-Невская славено-греко-латинская семинария имела уже целью давать будущим служителям Церкви серьезное по тем временам общее и богословское образование². Следует отметить, что первые ее смотрители *Афанасий Скиада* (в 1726—1729 гг.) и Адам (Никодим) *Селлий* (в 1734—1737 гг.) внесли свой посильный вклад в развитие русской церковно-исторической науки.

Первый из них, будучи греком из Кефалии, с 1722 г. служил учителем греческого языка при типографском училище в Москве. Тогда же Святейшим Синодом ему было поручено произвести описание греческих рукописей, находившихся в бывшей Патриаршей библиотеке. Через год это поручение было исполнено, за что Скиада удостоился благодарности самого Петра I. Однако, вследствие слабой специальной подготовки «исследователя», его археографические труды, хотя и получившие известность в Европе, оказались довольно неудачными³.

В свою очередь, Адам Селлий является довольно интересной фигурой в русской церковной истории XVIII в. Датчанин по происхождению и уроженец шлезвигского города Тондера, он в молодости изучал богословие в Иенском университете, где слушал лекции знаменитого тогда И.-Ф. Буддея⁴, который «заронил в его душу сомнение в истине лютеранского учения»⁵. В 1722 г. Селлий прибыл в Петербург. Сначала он состоял учителем в школе, заведенной Феофаном Прокоповичем (тогда архиепископом Псковским и вице-президентом Св. Синода) при своем подворье на Карповке. Затем некоторое время он преподавал в гимназии в Москве, а после возвращения в Петербург жил при Академии наук. Здесь-то его и нашел настоятель Александро-Невского монастыря архимандрит Петр Смелич, пригласивший Селлия в июле 1734 г. управлять семинарией и преподавать в ней латинской язык⁶. В 1737 г. он покидает семинарию и определяется секретарем к графу Лестоку, но вскоре возвращается в монастырь, где до конца своих дней († 1746) занимается трудами по русской церковной и гражданской истории. Тогда же у него созревает твердое желание перейти в Православие, а 27 марта 1745 г. он принимает монашеский постриг с именем Никодим⁷. После него осталось три значительных исторических труда: «*De Rossorum hierarchia*», libri V (О Российской иерархии, в 5 книгах)⁸; «*Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae siriptis illustrarunt*» (Revaliae, 1736)⁹ и «Историческое зеркало государей российских»¹⁰. Последнее было составлено как учебное пособие по русской гражданской истории для Александро-Невской семинарии. Что же касается сочинения Селлия, посвященного российской иерархии, то оно оказалось перспективным в том плане, что в нем нашли свое развитие и получили импульс к продолжению работы по истории русского епископата и историко-статистическим описаниям епархий и монастырей Русской Церкви¹¹.

Другими церковно-историческими трудами, которыми пришлось заниматься наставнику Александро-Невской семинарии, была подготовка новых изданий Четых-Миней св. Димитрия, митрополита Ростовского, и Киево-Печерского патерика¹². Издание (3-е) житий святых, составленных святителем Димитрием, на этот раз должно было выйти не в Киево-Печерской Лавре, как было раньше, а от имени Св. Синода в Москве. Редактированием этого издания в 1755—1756 гг. и занимался ректор Александро-Невской семинарии иеродиакон *Никодим Пучен-*

ков¹³ и находившийся тогда в Петербурге архимандрит Иосаф Маткевич, настоятель Новгородского Антониева монастыря и ректор находившейся в нем семинарии. Ими тогда же были сделаны замечания к сохранившимся текстам Киево-Печерского патерика, в соответствии с которыми он и был издан в 1759 г.¹⁴

Что же касается преподавания исторических дисциплин в Александро-Невской семинарии, то известно, что в первом классе (информатория) читалась сокращенная священная история, которую заучивали наизусть, а в третьем и четвертом классах (грамматика и синтаксима) — общая история¹⁵. Известным пособием по общей истории, кроме названного сочинения А. Селлия, одно время служил «Феатрон» Стратемана («Позор исторический») в переводе Гавриила Бужинского¹⁶.

В 1788 г. Александро-Невская славено-греко-латинская семинария была преобразована в Главную Семинарию. Это событие находилось в связи с училищной реформой, проведенной Екатериной II в 1786 г. Тогда же впервые в курс семинарских наук вводится *церковная история*¹⁷. Ее преподаванием на первых порах занимался выпускник Александро-Невской семинарии *Иван Иванович Бедринский*¹⁸. Знаток иностранных языков, он, пользуясь разными пособиями, составил курс, который в трех частях был издан в Москве в 1794 г. В Александро-Невской Главной Семинарии, а затем и в академии обучался *Андрей* (в монастыре *Амвросий*) *Орнатский*, снискавший впоследствии известность своей «Историей российской иерархии»¹⁹.

В 1797 г. Александро-Невская Главная Семинария была переименована в Академию. Причем, речь здесь шла не о простой смене вывески. По идее указов Павла I от 18 декабря 1797 г. и 11 января 1798 г. новая академия вместе с существовавшими Киевской и Московской и также новоучреждаемой Казанской становилась высшим богословским учебным заведением, в которое надлежало посылать «из епаршеских семинарий отличивших себя успехами учеников для усовершенствования себя в познании высших наук и образования к учительским должностям»²⁰. Церковная история «с показанием главных эпох» преподавалась там в богословском классе, к ней же присоединялись уроки церковной археологии²¹. Кроме того, из указанного общего церковно-исторического курса вскоре была выделена история Русской Церкви, пособием по которой впоследствии служило известное сочинение митрополита Московского Платона (1805)²².

В 1800—1804 гг. проректором²³ Александро-Невской академии и преподавателем в ней общей и русской церковной истории был архимандрит *Евгений Болховитинов*, снискавший в дальнейшем известность своими церковно-историческими трудами²⁴.

Но если за краткое время существования Александро-Невской академии (1797—1809) ее наставниками и не было создано сколько-нибудь заметных произведений в области церковной истории, то питомцы ее нередко избирали предметами своих кандидатских сочинений²⁵ церковно-исторические темы. По-видимому, здесь сказывалось влияние профессора о. Евгения, являвшегося руководителем авторов этих работ²⁶. Так, в январе 1803 г. присланный в академию из Иркутской семинарии М. Суханов был удостоен кандидатской степени за сочинение «Историческое рассуждение о Соборах Российской Церкви». В январе и феврале 1804 г. степень кандидата богословия получили И. Лавров и Д. Ма-

линовский. Первый — за сочинение «О соборном деянии, бывшем в Киеве в 1157 г. на еретика Мартина», а второй — за работу под названием «Историческое рассуждение о чинах греко-российской Церкви»²⁷.

Таковым было в общих чертах состояние церковно-исторической науки в духовных школах С.-Петербурга до училищной реформы 1808 г.

II

Преобразование системы духовного образования в России, начало которому было положено созданием в 1807 г. Комитета об усовершенствовании духовных училищ, предполагало первоначально, по мысли его инициаторов, и прежде всего, государственного секретаря М. М. Сперанского, далеко идущие последствия для судеб русского духовенства. Подъем последнего на уровень современной европейской образованности делал бы его деятельность важным фактором развития отечественной науки и просвещения, способствуя в то же время и росту его авторитета в среде образованного общества. Создание же училищного капитала, с привлечением для этих целей, в частности, свечных доходов церквей, призвано было, по этому замыслу, не только обеспечить развитие духовно-учебного дела, но и через увеличение штатных окладов приходам послужить в перспективе улучшению материального положения духовенства, что привело бы к ослаблению его сословной зависимости²⁸. И хотя последующие обстоятельства внесли свои негативные коррективы в эти «предначертания», все же то, что оказалось возможным осуществить, имело несомненно большое значение для развития в нашей стране богословского образования и церковной науки.

Следуя господствовавшим тогда в Европе понятиям о целях просвещения, система духовного образования строилась теперь таким образом, что его результатом должно было стать укоренение *учености* (*eruditio*) в среде русского духовенства²⁹. Это, в свою очередь, предполагало серьезную историко-филологическую подготовку будущих богословов.

Согласно проекту устава духовных академий, составленному в начале 1809 г. М. М. Сперанским и членом Святейшего Синода архиепископом Калужским Феофилактом (Русановым) и получившему в августе 1814 г. силу закона, преподавание научных дисциплин должно было распределяться в СПбДА между шестью классами (предшественницами позднейших кафедр), во главе которых следовало стоять профессорам, имевшим в качестве помощников двух бакалавров каждый³⁰.

Важное место в этой системе должен был занимать *класс исторических наук*. Предметами изучения здесь должны были стать: «всеобщая история и хронология, греческие и российские, наипаче церковные, древности; история церковная, особенно греческая и российская»³¹. В свою очередь, указанный класс должны были составить два отделения. На первом из них следовало изучать вспомогательные науки: хронологию (хронологические системы древнего мира и «важнейшие происшествия в первые четыре тысячи лет по летосчислению Библии александрийской»), древнюю географию и географию Российского государства, а также церковную историю, церковные древности и русскую историю, а на втором — всеобщую гражданскую историю, древнюю и новую³².

Из этого перечня особый интерес представляет предмет, обозначен-

ный как «церковные древности». Последний имеет особенное значение, поскольку в процессе дальнейшего развития русской высшей духовной школы из него вышел целый ряд академических дисциплин, отнесенных к группам богословских или же «церковно-практических» предметов, но сохранивших исторический метод в подходе к своему изучению. «Под именем церковных древностей,— писал в 1810 г. фактически первый наставник по данной дисциплине в СПБДА иеромонах Филарет (Дроздов),— я разумею правильные сведения о происхождении, сохранении и изменении общих наружных форм, в которые облекается учение Церкви, обрядов, которыми украшается ее богослужение, и учреждений, которые образуют ее общественное постановление»³³. В «церковных древностях» Филарет выделял три основные части, из которых мы можем обнаружить в первой: историю догматов и богословской мысли Древней Церкви, историю христианской проповеди и церковной литературы; во второй: литургику с эротологией и элементами церковной археологии; в третьей — церковное право³⁴.

Пожалуй, самой серьезной проблемой, с которой столкнулась новообразованная академия, была нехватка достаточно подготовленных профессорско-преподавательских кадров. Впрочем, в отношении интересующей нас области последнее обстоятельство имело как раз то счастливое значение, что преподавание церковной истории и «древностей» было отнесено к классу богословских наук, где сначала бакалавром (1810—1812), а затем профессором (с марта 1812 г.) состоял иеромонах (с июля 1811 г. архимандрит) *Филарет (Дроздов)*³⁵.

Богословская мысль Православной Церкви XIX в. неразрывно связана с именем будущего Московского митрополита. Здесь трудно переоценить его значение, даже беглая оценка которого потребовала бы места большего, чем объем настоящего очерка³⁶. И тем знаменательнее, что он оказался у истоков петербургской церковно-исторической школы в начальный период ее становления, во многом определив ее перспективные задачи.

Общепризнано, что петербургское десятилетие (1809—1819) явилось самым творчески напряженным и по своим результатам наиболее плодотворным периодом в его жизни³⁷. Плодом профессорской деятельности архим. Филарета стало тогда, в частности, «Начертание церковно-библейской истории в пользу юношества, обучающегося в духовных училищах» (1-е изд., СПб., 1816, 2-е испр. изд., СПб., 1819, VIII, 843 с.)³⁸.

Преподавание церковной истории в продолжение первого академического курса (1809—1814) было построено следующим образом. Первые два года (1810—1812) Филарет читал библейскую историю ветхого и новозаветную, а также историю Церкви века апостольского (I в.). Эти лекции легли в основу упомянутого «Начертания». Тогда же им был прочитан и курс «церковных древностей». Следующие два года (1812—1814) опять же при классе богословских наук читался курс уже собственно истории Церкви (со II по XVII в.), обязанность подготовки которого легла на вызванного Комиссией духовных училищ в Петербург бывшего префекта и учителя философии Троицкой семинарии архимандрита Иннокентия (Смирнова), о труде которого, также впоследствии издававшемся и служившем «классическим» пособием для духовных школ, речь пойдет несколько ниже.

Каков же был взгляд Филарета на церковную историю и ее цели как науки и академической дисциплины?

Этот взгляд коренился в библейской основе его богословствования. В свою очередь, Св. Писание как Божие Откровение людям рассматривалось им в исторической данности. «Для Филарета Библия,— отмечает прот. Г. Флоровский,— всегда есть книга историческая, прежде всего... И эта священная история мира есть история Завета Бога с человеком — тем самым есть история Церкви»³⁹. «Откуда начинается история Церкви» — так озаглавил Филарет один из начальных разделов своего «Начертания». Там он пишет: «История Церкви начинается вместе с историей мира. Самое творение мира можно рассматривать как некоторое приготовление к созданию Церкви: потому что конец, для которого устроено царство природы, находится в царстве благодати (Быт. 1, 26; 1 Кор. 3, 22)»⁴⁰. В соответствии с этим воззрением Филарет рассматривает в качестве «первого и чистейшего источника» церковной истории книги Священного Писания, «поскольку они содержат в себе предметы, относящиеся к оной»⁴¹.

Библеизм Филарета в его обращении к истории Церкви имеет основополагающее значение для определения *главной цели*, «которую должно иметь в виду занимающийся ею». Последняя есть — «познание *царства благодати*, для облегчения себе и другим шествия к *царству славы*». И далее он делает замечание, имеющее, пожалуй, наиболее принципиальное значение для понимания всего дальнейшего хода развития русской церковно-исторической науки. Он говорит о *ее* церковности. О ее честном и бескорыстном служении той спасительной миссии, которую несет Церковь в изменяющемся мире. «По мере удаления от сего конца,— отмечает Филарет,— самые любопытные исследования должны в глазах его (церковного историка.— *И. И.*) терять свою цену»⁴².

Сама же церковная история определяется Филаретом как *изложение*, «к деятельному наставлению направленное», происхождения Церкви, перемен в ее внешнем и внутреннем состоянии, происходивших со временем, и «непрерывного ее по особым промыслом сохранения... до ныне». Основанием его должны служить «твердые свидетельства». А сам метод его строится «от частных повествований к общим соображениям»⁴³. В этом кратком определении начертана целая программа становления в России церковной истории как науки. Подход Филарета к истории как к «изложению» будет интересно рассмотреть несколько позднее в связи со взглядом на нее самого блестящего представителя петербургской церковно-исторической школы В. В. Болотова. Что же касается воззрения на сам предмет изучения истории Церкви в его сочетании божественного и человеческого, традиционно хранимого и исторически изменяемого, то этим в процессе развития русской церковно-исторической науки все более и более выявлялась и обеспечивалась ее «деятельная назидательность», способствовавшая прогрессу церковного сознания и богословской мысли. «Твердость свидетельства» — не есть ли требование критического подхода к источникам, без чего история перестает быть наукой? И, наконец, указание на «возвращение от частных повествований к общим соображениям» не обнаруживает ли стремление к богословскому синтезу результатов историко-филологического исследования, чем впоследствии так прославились корифеи петербургской школы?

Церковную историю Филарет представлял *целостно*, как сочетание «внешней истории Церкви и внутренней истории веры». «Внешняя (история); — говорил он, — рассматривает Церковь как общество верующих⁴⁴, и в сем отношении описывает ее благостояние и бедствия, защитников и врагов, расширение и сокращение видимых ее пределов. Внутренняя — наблюдает ход веры, одушевляющий и отличающий сие общество, и повествует о ее учении, богослужении, о мужах, делом, словом и писанием способствовавших успехам истинного благочестия, и о противоборствовавших ему суеверии, расколах, ересях, соблазнах и нечестии»⁴⁵. Он не упоминает здесь такое понятие, вошедшее впоследствии в церковно-исторические курсы, как «церковный строй». Впрочем, последнее вполне выводится как из церковного учения, так и связано с «мужами», а в причинной зависимости находится нередко с «расколами, ересями и нечестием». Таким образом, в «Начертании» Филарета мы видим программу церковной истории, с одной стороны, опирающуюся на уже имевшийся западный научный опыт, а с другой стороны, вполне сохранявшую в дальнейшем свое значение для развившейся русской церковно-исторической науки. Если мы возьмем в качестве ее дидактической вершины посмертное издание «Лекций...» В. В. Болотова под редакцией А. И. Бриллиантова (1907—1918), то увидим, что, не считая пространного введения (свидетельства достигнутого в науке уровня), они вполне вмещаются в указанный план.

Имея целью не научно-богословскую разработку библейско-церковной истории, а спешную подготовку учебного пособия, Филарет воспользовался трудами И.-Ф. Буддея, заимствовав из них и ученый аппарат⁴⁶. Как справедливо указывает прот. Г. Флоровский, «это было совершенно неизбежно при срочной работе — нужно было подготовить учебную книгу и пособие к экзаменам»⁴⁷. Во всяком случае, известно, что Филарету был знаком достаточно широкий круг бывшей тогда в научном обращении европейской библейско- и церковно-исторической литературы⁴⁸. Выбор «*Historiae ecclesiasticae Veteris Testamenti*» и «*Ecclesiae apostolicae*» Буддея свидетельствовал о наличии сложившегося у составителя богословского взгляда, ученого вкуса, а также педагогического опыта. Для русской духовной школы труд Филарета сохранял свое значение в качестве «классического» учебного пособия не одно десятилетие⁴⁹, что же касается его принципиальной стороны, то историческому значению последней и были посвящены вышенаписанные строки.

В 1812—1814 гг. бакалавром при профессоре богословского класса Филарете⁵⁰ состоял архимандрит *Иннокентий* (Смирнов)⁵¹, которому вменялось в обязанность читать курс истории Церкви, рассматривавший период II—XVII вв. Результатом этих чтений явилось «Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века» в двух отделениях, первое издание которого вошло в 1817 г. (1 отд. (II—IX вв.), V, 514 с.; 2 отд. (X—XVII вв.), II, 613 с.). Указанное «Начертание», призванное быть продолжением «Начертания» Филарета, также на долгое время стало «классическим» учебным пособием. Из семинарского употребления оно не было устранено даже уставом 1867 г.⁵² Впрочем, труд Иннокентия не имел уже того принципиального значения, какое мы обнаружили в филаретовском пособии, хотя как продолжение его он и являлся достаточно органичным. Можно согласиться с мнением, что в

качестве учебника он был вполне достоин своего времени и не без успеха служил на первых порах школьному делу (Ал. П. Лебедев)⁵³. В то же время будет понятно и замечание, оброненное в начале XX в., с высоты прогресса, достигнутого школой к этому периоду, когда Иннокентиево «Начертание» назовут «прекрасным образцом того, как не следует писать историю» (А. В. Карташов)⁵⁴. В связи с этим не лишено справедливости замечание прот. Г. Флоровского, что «книга эта была написана наспех, и не автор был виновен, если и после его смерти ее насильственно оставляли учебником в школах кое-где даже в 60-х гг., когда она уже была явно отсталой, устарелой, непригодной...»⁵⁵ Во всяком случае, сам Иннокентий, будучи человеком живого ума, был весьма скромного мнения о своем детище, объясняя его появление «единственно волей и распоряжением начальства» и отказывая ему в серьезной научной ценности в силу его дидактического предназначения⁵⁶.

В общих чертах программа чтений была предложена Иннокентию Филаретом. Им же был указан круг пособий, включавший 14 наименований «между множеством сочинений двух последних веков»⁵⁷. Особое значение среди них имели «Анналы» Цезаря Барония, Магдебургские центурии, сочинения Флери, Наталиса, Шпангейма и Бингама — т. е. наиболее солидные труды по церковной истории и «древностям», как тогда называли, главным образом, издания источников⁵⁸. Впрочем, при составлении своего «Начертания» Иннокентий пользовался в основном более отвечающими этой цели сочинениями протестантских церковных историков Шпангейма и особенно Вайсмана, «Введение» которого оказало сильное влияние на его труд⁵⁹. У последнего он заимствовал разделение материала по векам и дробность в рассмотрении каждого полученного таким искусственным образом периода, за что его потом порицали позднейшие русские церковные историографы, но что вполне соответствовало схоластическим обычаям западной церковной историографии XVII—XVIII вв.⁶⁰ При этом сами заглавия как основных периодов (их выделено четыре), так и «веков» содержали в себе характеристики, вносящие неизбежное упрощение, но в то же время служившие более наглядному представлению учащимися исторического процесса⁶¹.

В свой курс Иннокентий включил и изложение событий русской церковной истории, рассматривая их по заданной вайсмановской схеме. Впоследствии Карташов будет порицать его за недостаток критичности к материалу (излишнее доверие к Степенной книге и Никоновской летописи) и малое внимание к внутренней истории Русской церкви⁶². Впрочем, сам составитель признавал, что русская церковная история «почерпнута (им) из скудных источников, какие были на месте во время начертания, и притом рукою такою, которая не могла достигнуть до глубины духовной в событиях человеческих»⁶³. Но при всем этом за Иннокентием необходимо признать заслугу не только составления первого систематического курса по истории Русской церкви, но и включение ее как важного органического элемента в обозрение вселенского церковно-исторического процесса.

Сравнивая «Начертания» двух первых представителей церковно-исторической науки в СПбДА, следует сказать, что если первое превосходно стилистически выдержано в своем изложении и читается довольно легко, то второе, как более зависимое в своей манере от немецкого

образца и, кроме того, следуя необходимости вместить в рамки учебного обзора обширный и насыщенный фактический материал, доведенное до возможной краткости, отличается, по общему признанию, языком «сухим и тяжелым»⁶⁴.

Но, невзирая на частные недостатки их трудов, мы должны с благодарностью помянуть этих, по выражению Ал. П. Лебедева, пионеров церковно-исторической науки в русской духовной школе, в достаточной мере обеспечивших начальный этап ее становления, который неизбежно должен был сводиться к усвоению имевшегося на то время европейского опыта. Последнее, впрочем, не устраняло и его самостоятельного осмысления с точки зрения православной традиции, что особенно проявилось в школьных трудах Филарета, связанных с его профессорской деятельностью в СПбДА.

Как уже отмечалось, «Начертания» Филарета и Иннокентия долгое время служили руководством для наставников и учебником для учащихся в русских духовных школах. В СПбДА они сохраняли это свое значение вплоть до начала 60-х гг.⁶⁵. Так или иначе в их русле вели свои профессорские труды и наставники, непосредственно преемствовавшие на поприще преподавания церковной истории указанным подвижникам богословского образования. Кроме того, на материале этих пособий происходило формирование и тех из питомцев Академии, кто затем сам вступил на стезю церковно-исторических изысканий.

Среди первых нужно назвать магистров первого выпуска⁶⁶ иеромонаха *Кирилла* (Константина Богословского-Платонова)⁶⁷ и Иоакима Семеновича *Кочетова*, принявшего вскоре священный сан⁶⁸. Первый из них читал лекции по церковной истории в 1814—1817 гг., второй же 34 года возглавлял церковно-исторический класс (1817—1851), состоя с сентября 1818 г. его ординарным профессором.

Среди вторых можно упомянуть выпускника II курса (1819) Иоанна Ивановича *Григоровича*, скончавшегося в 1852 г. придворным протоиереем и прославившегося своими археографическими трудами⁶⁹; выпускника VIII курса (1829) *Константина* (в монастыре *Порфирия*) Успенского, чьи труды по изучению христианского Востока и собиранию там древних рукописей принесли ему в свое время широкую известность в ученом мире⁷⁰; и окончившего в 1837 г. XII курс СПбДА Александра Ивановича *Сулоцкого*, впоследствии протоиерея, связавшего свою жизнь с делом духовного просвещения в Сибири и немало потрудившегося в области краеведения и разработки сибирской церковной археографии и историографии⁷¹.

Что касается дальнейшей постановки преподавания церковной истории в СПбДА, то известно, что Кирилл составил свой конспект по церковной истории и «древностям», явившийся, впрочем, несколько упрощенным изложением имевшейся схемы⁷². Труды же о. Иоакима Кочетова предполагали нечто большее.

В 1817 г. архимандрит Иннокентий, бывший тогда ректором С.-Петербургской духовной семинарии, по распоряжению Комиссии духовных училищ подготовил к печати две части (отделения) своего «Начертания». Поспешность этого труда была уже отмечена нами выше. Однако развитие духовно-училищного дела потребовало через два года нового издания. В декабре 1819 г., уже после кончины Иннокентия, ставшего епископом Пензенским, Комиссия духовных училищ поручила

правлению СПбДА предложить кому-либо из профессоров, известных своей ученостью, сделать замечания на это пособие, с учетом которых следовало бы осуществлять его второе издание⁷³. Этот труд выпал на долю молодого профессора по классу церковной истории священника Иоакима Кочетова. Последний к концу марта 1820 г. закончил рассмотрение первого отделения «Начертания», а в ноябре — второго. Работа была проделана тщательно. В каждом из отделений критик рассмотрел более сорока мест, сделав замечания относительно неясности или неточности изложения. Неоднократно Кочетовым указывалось также на неточности, допущенные Иннокентием при приведении цитат и ссылок. При этом особым нападкам критика подверглась вторая половина «Начертания», содержащая, в частности, историю Русской церкви. Впрочем, он поставил в заслугу Иннокентию «систематичность изложения» и первое применение его в отношении русской церковной истории⁷⁴. Видимо, эта соответствующая западным школьным нормам XVIII в. «систематичность», ценителем которой выступил Кочетов, и явилась одной, возможно и главной, из причин, почему он внес в Иннокентиево «Начертание» лишь частные поправки, а не переделал его совершенно, что, по справедливому замечанию А. И. Бриллиантова, «заставляло в сущности ожидать столь неблагоприятное суждение о второй половине труда...»⁷⁵.

По существу «Начертание церковной истории» продолжало оставаться детищем Иннокентия⁷⁶. Что же касается профессорских трудов самого о. И. Кочетова, то, по имеющимся свидетельствам, он читал курс по собственным запискам, включив в него также историю Церкви в XVIII и первых десятилетиях XIX в., т. е. разделы, отсутствовавшие в «Начертании». Впрочем, своего печатного пособия, несмотря на многолетнюю профессорскую деятельность в СПбДА, он так и не подготовил. Одну из причин этого следует видеть в том, что по своему призванию Кочетов был более филолог, чем историк. Близкий соратник Шишкова (что не мешало ему оставаться всю жизнь искренним и преданным другом своего сокурсника о. Герасима Павского), он много времени и сил отдавал развившемуся тогда в России словарному делу, с особым усердием исполняя свои обязанности действительного члена Российской академии (с 1846 г. ординарного академика Императорской Академии наук)⁷⁷. Выпущенный при его живом участии «Словарь церковно-славянского и русского языка» (сост. Вторым отделением Имп. Акад. наук, тт. 1—4, СПб., 1842—1847), четвертый и последний том которого был подготовлен к печати им полностью, занял вполне достойное место среди русскоязычных толковых словарей. Особую ценность ему придает выявленное в нем историческое единство и преемственность литературного языка русского народа.

Человек кипучей энергии, он, кроме занятий в Академии наук, сочетал с профессорской деятельностью в СПбДА многолетнее законоучительство и профессорство в Александровском Царско-Сельском лицее (1811—1844), настоятельство в Петропавловском соборе и активное участие в епархиальном попечительстве о бедных духовного звания, становлению которого отдал немало сил. Эти «беспрерывные занятия, круг которых все расширялся», и не позволили Иоакиму Семеновичу, по словам его биографа, «заняться окончательным приготовлением к печати лекций по церковной истории, читанных в академии»⁷⁸.

III

Мы упомянули выше трех питомцев СПБДА времен профессорства в ней о. Иоакима Кочетова (прот. И. И. Григорович, еп. Порфирий Успенский и прот. А. И. Сулоцкий), приобретших в той или иной степени известность своими церковно-историческими трудами, которые вместе с сочинениями следующей генерации наставников Петербургской Академии ясно обозначили новый этап в развитии интересующей нас науки в нашей стране. Уроки старой европейской школы были усвоены. Теперь настал черед их практического применения в самостоятельной работе и на оригинальном материале. Таким материалом, прежде всего, являлось русское церковно-историческое наследие в широком спектре сохранившихся памятников, требовавших своего научного изучения и церковной актуализации.

Второй, не менее важной, задачей было введение в богословское и в широкое духовно-просветительское употребление источников католического Предания. Последнее предполагало прежде всего переводы на русский язык творений святых отцов и учителей Церкви, сочинений древних церковных историков, вероисповедных, литургических и канонических памятников. Естественно, что эта работа стимулировала и научное изучение Предания, результаты которого выражались как в монографических сочинениях, так и в общих курсах.

Впрочем, 20—50 гг., которыми можно хронологически обозначить новый этап в истории русской духовной школы, были для нее периодом достаточно сложным. Профессор протоиерей Г. В. Флоровский охарактеризовал его как время «обратного хода». В определенной мере такая характеристика справедлива, если принимать во внимание взгляды и деятельность отдельных лиц тогдашнего государственно-церковного руководства (адмирал А. С. Шишков, граф Н. А. Протасов, митрополиты С.-Петербургский Серафим и Киевский Филарет (Амфитеатров), епископ Афанасий (Дроздов) и ряд других). Правда, при этом он отмечает и «внутреннее сопротивление» указанному курсу уже достаточно «живой и сильной русской богословской традиции»⁷⁹.

Николаевское царствование для русской церковной науки оказалось временем весьма противоречивым. С одной стороны, оно начинается разгоном Библейского общества и запрещением русского перевода Священного Писания. С официальной точки зрения, последний стал рассматриваться как своего рода «филологическая ересь» («низкий штиль» разговорного русского языка не достоин быть глашатаем глаголов жизни вечной). С другой стороны, прогресс, достигнутый русской духовной школой и богословской наукой в первой четверти XIX в., предполагал и дальнейшее продвижение вперед. Казалось бы, этому должно было способствовать тогдашнее стремление к решению таких насущных проблем, как усиление церковного влияния в различных слоях русского общества и расширение миссионерского дела на национальных окраинах России. Отсюда и получает «начальственное одобрение» сыгравшая свою важную роль в прогрессе высшей духовной школы известная волна переводов памятников Предания и умножения собственного церковного учительства.

Вот мы и получили первый парадокс. Слово Божие изъясняется на близком пониманию разных слоев общества языке, богослужение, оста-

ваясь церковнославянским, также доводится до их сознания путем переводов на современный язык для домашнего чтения⁸⁰, а само основание всяческого богомыслия бдительно охраняется от подобной церковной актуализации, что, казалось, представляется столь естественным.

Богословское образование и церковная наука также не остались в стороне от противоречий данного времени. Казалось бы, задачи духовного просвещения на этапе социального расширения и заметного повышения уровня образованности в русском обществе требовали от будущих пастырей усиления их учености. Между тем, духовную школу обвиняют в «схоластичности», сокращают учебные программы, как раз во многом служившие достижению указанной выше цели, и ориентируют ее на «практическое» направление, в результате чего из нее должен был выходить исправный требоисполнитель со знанием основ агрономии и медицины, что якобы было призвано приблизить его к «народу» (такова была суть протасовских преобразований духовных школ в 30—40 гг. прошлого века)⁸¹. Академическая наука и богословская мысль также оказываются в странном положении. Казалось бы, церковно-исторические исследования и изучение источников Предания призваны были еще более вернуть их в традиционное русло, дав новый творческий импульс. Но именно здесь-то в наибольшей степени как раз и наблюдается пресловутый «обратный ход». Охранительное настроение времени посредством появляющихся фундаментальных «классических» руководств по догматике, более или менее удачно переписанных, пытается удержать их в пленении застывших схоластических схем⁸².

В этой ситуации церковная история как наука и академическая дисциплина оказывается, пожалуй, в наиболее благоприятном положении, хотя, конечно, охранительный стиль мышления нередко господствует и здесь. Но все же возрастает число трудов, связанных с прошлым Церкви Вселенской и Русской, растет и их научный уровень. Правда, пальма первенства в этой области в это время переходит к Московской Духовной Академии, где «под тонким взором» митрополита Филарета расцветает церковно-историческая школа Филарета (Гумилевского) и А. В. Горского, оказавшаяся весьма плодотворной в литературных и методических результатах. Не остаются в стороне от становящегося во многом общим научного процесса Киев и Казань. В Казани Духовная Академия обрела тогда необходимые задатки, чтобы в последующие десятилетия вырасти в серьезную церковно-историческую школу. Не чуждались в эти годы разработок, связанных с церковно-исторической проблематикой, и российские университеты.

Чем же ознаменовался рассматриваемый нами период для СПбДА как церковно-исторической школы?

В плане организации учебного процесса прежде всего сказалось внимание к русской церковной истории. В 1838 г. преподавание русской гражданской истории возлагается на особого бакалавра, а с 1842 г. она из факультетной делается общеобязательной для всех студентов дисциплиной⁸³. История Русской церкви по-прежнему входила в общий церковно-исторический курс, руководством к которому служило «Начертание» Иннокентия (Смирнова). Однако имевшийся уже к этому времени в научном обращении материал значительно выходил за его рамки, что отчасти компенсировалось лекциями профессора протоиерея

И. С. Кочетова, но не в меньшей степени занятиями по новоучрежденному курсу, который в 1838—1851 гг. вел священник К. И. Боголюбов⁸⁴. Наконец, в 1851 г. митрополит Новгородский и С.-Петербургский Никанор вошел в Синод с предложением о выделении истории Русской Церкви в самостоятельную академическую дисциплину. Здесь оно встретило полную поддержку, и теперь преподавание русской церковной истории было отнесено к высшему академическому отделению, с тем что читать ее должен был тот же наставник, который в низшем отделении читал русскую гражданскую историю⁸⁵. Первым таким наставником (в 1851—1853 гг.) оказался Иларион Алексеевич Чистович, о церковно-исторических трудах которого мы скажем несколько ниже.

Что же касается сочинений по истории Русской церкви, вышедших в те годы из-под пера наставников СПБДА, то здесь в первую очередь следует сказать о епископе Макарии (Булгакове), впоследствии митрополите Московском⁸⁶.

Макарий был питомцем Киевской Духовной Академии, и его первое крупное церковно-историческое сочинение явилось данью благодарности своей *almae matris* («История Киевской академии», СПб., 1843, 226 с.). В июле 1842 г. его назначают бакалавром в богословский класс СПБДА, в 1843 г. он — экстраординарный, а в 1844 г. — ординарный профессор, читающий курс догматического богословия. (Бывшие в 1842—1850 гг. ректорами академии епископы Афанасий (Дроздов) (1841—1847) и Евсевий (Орлинский) (1847—1850) профессорских обязанностей не несли.) В декабре 1850 г. он становится ректором СПБДА, а спустя месяц состоялась его архиерейская хиротония⁸⁷. В течение 7 лет он несет ректорские обязанности, не оставляя и профессорской деятельности. Этот период оказался также довольно плодотворным в его церковно-историческом творчестве. Им тогда было написано пять крупных трудов, в том числе первые три тома «Истории Русской Церкви», подготовлены публикации трех памятников древнерусской литературы и выпущен ряд статей, посвященных этому предмету⁸⁶.

Характеристика Макария как историка Русской Церкви выходит за рамки этого скромного очерка и должна быть темой специального исследования. Здесь в связи с этим можно лишь сделать несколько предварительных замечаний. Личность преосвященного Макария как бы сфокусировала в себе тенденции сложного времени его профессорства и ректорства. Как профессор догматики он во многом являлся проводником той линии «обратного хода», которая исходила тогда из высших государственно-церковных сфер. Так что спустя несколько десятилетий, особенно в начале XX столетия, нападать «на Макария» и даже ниспровергать его догматические сочинения стало чем-то вроде правила хорошего тона среди русских богословов. Что же касается его церковно-исторических трудов, то тут следует отметить, что избранная им область преимущественно первых веков истории Русской Церкви давала больше простора научному творчеству. В лице Макария мы видим неутомимого труженика — собирателя истории своей родной Церкви и ее духовных сокровищ, осмотрительного в своем изложении и оценках имеющихся данных, но при этом вполне добросовестного в наблюдении фактов. В русской церковной историографии он занимает одно из самых почетных мест как автор подлинного *cursus*'а истории Русской Церкви, единственного наряду с аналогичным трудом Е. Е. Голубин-

ского, оказавшегося, впрочем, еще далее отстоящим от того, чтобы быть *completus*⁸⁹. В этом отношении «История» митрополита Макария, ставшая делом его жизни, не утратила своего значения и поныне. И современным историкам России, Русской Церкви и духовной культуры русского народа приходится с ней, как, впрочем, и с другими его историческими трудами, так или иначе считаться, что, естественно, предполагает и дополнения, и пересмотры отдельных ее концепций⁹⁰.

Довольно плодовитым автором оказался и другой наставник СПбДА — И. А. Чистович⁹¹. За свою более чем сорокалетнюю научную карьеру он написал шесть фундаментальных работ и множество исторических очерков, статей и заметок. Только два года (1851—1853) он состоял бакалавром в историческом классе, а затем более двух десятилетий (1853—1874) был профессором в классе философском, где вел курсы философии, опытной психологии, а последние два года своей академической службы — истории философии. Тем не менее, по своему призванию и научной привязанности он так и остался историком Русской церкви, став, кроме того, и историком родной школы. Как историк философии он оставил только один обширный труд, посвященный сравнению отношения древнегреческих философов и философских школ к вопросу о бессмертии человека с христианским учением об этом предмете («Древнегреческий мир и христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека. Историческое исследование», СПб., 1871, 211 с.). Круг его церковно-исторических интересов не отличался узостью. Здесь были и древнерусские церковные памятники (его первая печатная работа, помещенная в 1853 г. в «Христианском чтении», была посвящена святцам, находящимся в Остромировом Евангелии), и вопросы истории Церкви в Западном крае (в 1882—1884 гг. вышел его «Очерк истории Западно-русской Церкви», чч. 1—2, 218+419 с.), и, наконец, история духовного просвещения и богословского образования в России, причем в этой области он проявлял немалую оперативность, разбирая предметы исторического изложения в совсем недавней истории. Такова, скажем, его «История перевода Библии на русский язык», первое издание которой вышло в 1873 г. (чч. 1—2, СПб., VI, 347 с.). Его наиболее обширный и в силу своей обстоятельности не утративший до сих пор ценности исторический труд посвящен Феофану Прокоповичу («Феофан Прокопович и его время», СОРЯС, т. 4. СПб., 1868, X, 752 с.). При этом, рассматривая один из самых мрачных периодов в русской церковной истории, он был склонен видеть в Феофане в первую очередь деятеля духовного просвещения и с этой точки зрения проявлять снисхождение, а порой и симпатию к этому, по выражению о. Г. Флоровского, «жуткому человеку». Впрочем, богословские вкусы и привязанности самого Чистовича не отличались ни стремлением к осознанию Предания, ни видением исторической перспективы. В них он остался верен тем просветительским установкам, которые и в период расцвета его творчества не выдвигались в авангард, а на его закате уже представлялись откровенно устаревшими. Это обстоятельство и вносит в общем-то не лишнее необходимое объективности сочинение о Феофане некоторые моменты тенденциозности⁹².

Чистович был типичным историком-собирателем. Правда, он порой не избегает собственных характеристик и оценок, но чаще всего глубокое рассмотрение исторических явлений подменяется у него поверхно-

стным соизмерением их взятым им на вооружение установкам. При чтении его работ создается впечатление, что главная задача историка заключалась в распределении по отделам, параграфам, пунктам и подпунктам имевшегося у него богатого документального материала. Типичными в этом отношении являются его труды «История С.-Петербургской духовной академии» (СПб., 1857) и «С.-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858—1888)» (СПб., 1889), к которым, в силу имеющихся в них обильных фактических и документальных данных, автор настоящего очерка считает возможным часто обращаться.

Сменивший Чистовича на кафедре русской гражданской и церковной истории и занимавший ее в 1853—1857 гг. магистр ХХ академического выпуска Самуил Васильевич *Михайловский* (1829—1878), впоследствии священник церкви Мраморного дворца в С.-Петербурге, скончавшийся в сане протоиерея, приобрел себе известность как автор очерка жизни патриарха Никона, выходявшего в 1863 г. в издававшемся в СПбДА популярном журнале «Странник»⁹³.

Преемником Михайловского стал Михаил Иосифович *Коялович*, продолжительное время несший свое служение в Академии⁹⁴. Его основные труды, освещающие церковную историю в западно-русских землях и Литве, появились в конце 50-х — начале 60-х гг. Они не лишены интереса, хотя и не выходят за рамки тогдашнего ученого ординара. В то же время выпавшая на его долю научно-организаторская деятельность в СПбДА, доставившая ему благодарную память, пришлась уже на качественно иной период в истории школы.

В 1857 г. в СПбДА учреждается новая кафедра *истории и обличения русского раскола*. Правда, она приобретает на первых порах не столько исторический, сколько практическо-миссионерский характер. Труды ее первого и многолетнего профессора Ивана Федоровича *Нильского* получили известность скорее не как исторические разработки, а как образцы противостарообрядческой полемики⁹⁵.

Качественный сдвиг в 50—60-е гг. наблюдается и на кафедре общей церковной истории. Прот. И. С. Кочетова на ней сменяет в сентябре 1851 г. в звании бакалавра магистр Иван Васильевич *Чельцов*⁹⁶. Его длившиеся затем более четверти века ученые и учебные труды явились своеобразным мостом между начальным ученичеством времен становления Петербургской Академии и теми вершинами научного и богословского уровня исследований, которые составили славу ее церковно-исторической школы.

Количество оставшихся после него работ сравнительно невелико, что, впрочем, является внешним показателем их проработанности. В 1861 г. вышел первый том его «Истории Христианской Церкви», отразивший в себе, впрочем, достаточно самостоятельно, состояние современной ей европейской церковной историографии. Нужда в такой работе была очевидной. «Начертание» Иннокентия (Смирнова) уже явно не отвечало возросшим требованиям высшей духовной школы. В 1870 г. было опубликовано докторское сочинение Чельцова «Древние формы символа веры Православной Церкви, или так называемые апостольские символы» (СПб., 211 с.), выявившее характерный поворот в русской церковной науке в сторону серьезного изучения богословской мысли древней Церкви и памятников ее Предания. При возросшем количестве на

Западе, особенно у протестантов, трудов по древней церковной истории уже следовало преодолевать собственное безгласие. И хотя в своих выводах Чельцов находился еще в некоторой зависимости от имевшихся пособий, все же его труд обнаруживает достаточную компетентность автора в работе с оригинальным материалом.

И. В. Чельцов как профессор общей церковной истории был непосредственным преемником о. Иоакима Кочетова и предшественником В. В. Болотова. Его научная профессорская и административная деятельность в СПбДА (в 1869—1878 гг. он возглавлял церковно-историческое отделение), пришедшаяся на переходный период, действительно прокладывала мост между двумя эпохами в истории школы⁹⁷.

Рост уровня преподавания общей церковной истории к концу 50-х гг. обозначился еще и тем, что в это понятие теперь стали включать только историю Церкви до великой схизмы 1054 г. В свою очередь, в 1857 г. была учреждена кафедра *новой церковной истории*. К ней было отнесено преподавание церковной истории — восточной и западной — после разделения. Ее первыми наставниками были магистр Казанской Духовной Академии иеромонах Диодор (Ильдомский) (в 1857—1860 гг.) и выпускник МДА Александр Михайлович Иванцов-Платонов (в 1860—1866 г.), впоследствии известный профессор Московского университета. С 1863 г. в качестве бакалавра на ней трудился И. Е. Троицкий, возглавивший ее в 1866 г. С этого времени открывалась новая глава в истории петербургской церковно-исторической школы, о чем наш рассказ будет ниже.

Заканчивая же повествование о времени «собрания истории», нужно упомянуть и еще об одних трудах, предпринимавшихся тогда в СПбДА.

В 1821 г., приступая к изданию академического журнала «Христианское чтение», ректор академии архимандрит Григорий (Постников) выдвинул его программу, которая бы в достаточной степени соответствовала принятому названию. В журнале должна была быть представлена духовно-назидательная литература, древняя и новая, касающаяся разных сторон церковного учения и жизни. На первом месте здесь должны были стоять переводы творений святых отцов, причем «положено было, чтобы избираемы были простые сочинения или отрывки, по содержанию своему способные питать не только ум, но в то же время и преимущественно сердце»⁹⁸. Имелись в журнале также разделы «духовной истории» и «христианской библиографии», где выбор материалов первоначально тоже определялся степенью назидательности. Впрочем, этот курс не выдержал проверку времени. Фундаментальные переводы святых отцов «в непрерывном порядке их творений», делавшиеся в Московской Академии, оказались куда более отвечающими и нуждам духовного просвещения, и запросам читающей публики. Это побудило в 1847 г. Святейший Синод утвердить перемену в программе журнала, которая предполагала переход на практику «непрерывного перевода» отеческих творений, избрав для начала беседы св. Иоанна Златоуста к антиохийскому народу. Это же синодальное определение «повелевало» открыть в «Христианском чтении» особое отделение для русского перевода произведений церковных историков, начиная с Евсевия Памфила⁹⁹.

Таким образом, в 1848—1854 гг. в СПбДА были переведены исторические сочинения Евсевия, Сократа схоластика, Созомена, Феодорита,

Евагрия, Феодора чтеца и Филосторгия, опубликованные приложениями к «Христианскому чтению».

В свою очередь, в 1857 г. митрополит Новгородский и С.-Петербургский Григорий (Постников) выразил желание, чтобы были также переведены и более поздние византийские историки. Вследствие этого в результате шестилетней работы ряда наставников СПбДА в 1858—1863 гг. вышли переводы произведений Никифора Вриения, Иоанна Киннама, Анны Комни — частично и Георгия Пахимеры — частично (под ред. проф. В. Н. Карпова); Никиты Хониата (под ред. проф. В. И. Долоцкого и И. В. Чельцова); Никифора Григоры (под ред. бакалавра П. И. Шалфеева) и Георгия Акрополита (под ред. бакалавра И. Е. Троицкого). В основу этих переводов было положено боннское издание *Corpus scriptorum byzantinorum*. Они были снабжены предисловиями, где сообщались сведения о писателях, а также примечаниями исторического, археологического, топографического и филологического характера¹⁰⁰. Для своего времени этот труд был серьезным научным достижением, открывавшим горизонты византийских изучений в России. Так на исходе рассматриваемого периода в СПбДА стала складываться основа собственной *византологической традиции*, развитие которой было в дальнейшем связано прежде всего с трудами И. Е. Троицкого¹⁰¹.

IV

Характеризуя творчество русских церковных историков 70—90-х гг., в том числе и таких видных, как протоиерея А. М. Иванцова-Платонова, Ал. П. Лебедева и Ф. А. Терновского, о. Г. Флоровский говорит о его *публицистической манере*. Не отрицая несомненных заслуг этих ученых перед отечественной наукой и церковно-общественной мыслью, следует признать эту оценку не лишеной основания. «Совсем другого стиля, — продолжает он, — были создатели церковно-исторической школы в С.-Петербургской академии И. Е. Троицкий (1832—1901) и В. В. Болотов (1854—1900)...»¹⁰².

Приведенное замечание вполне справедливо. Оно ясно отражает тот факт, что с именами этих ученых был связан этап наивысшего расцвета названной школы, ее выход на самый высокий научный и богословский уровень и обретение ею мировой известности.

Прежде чем перейти к возможной здесь характеристике их ученой и педагогической деятельности, следует указать, что расцвет творчества одного и становление как ученого другого пришлось как раз на самый благоприятный период в жизни русской высшей духовной школы XIX в. Устав духовных академий, введенный в 1869 г. и просуществовавший 15 лет, имел положительной своей стороной не только укрепление значения профессуры в жизни школы, сообщение большей открытости академической науке и стимулирование ученой деятельности наставников, но и признавал необходимость специализации, хотя бы и широкой, без чего была бы затруднительна подготовка кадров, отвечавших требованиям возросшего уровня церковной науки. В СПбДА, как и в других русских духовных академиях, создаются в это время отделения, в том числе и церковно-исторические. В Петербурге ими заведовали И. В. Чельцов и М. И. Коялович, оставившие о себе память как о вдумчивых руководителях¹⁰³.

К 1884 г., когда введением нового академического устава в отношении высшего богословского образования в России вновь была предпринята попытка дать «задний ход», петербургская церковно-историческая школа уже достаточно окрепла, чтобы выдерживать неблагоприятные веяния времени. Правда, определенный урон понесла и она. Ликвидация отделений подрывала основы специализации. Студенты теперь нередко писали курсовые работы не по тем дисциплинам, к которым имели больше склонности. Еще хуже, порой, складывалась затем их педагогическая карьера: имея серьезный интерес и хорошую подготовку в одном, им приходилось заниматься другим. Такое переключение не всегда бывало достаточно эффективным.

Начальство, в свою очередь, стало теперь зорче следить за тематикой церковно-исторических сочинений. Так, В. В. Болотов, много работавший в 80-е гг. над источниками по начальной истории несторианства, не довел до конца своих исследований, из которых должна была сложиться его докторская диссертация, поскольку синодальный циркуляр запрещал в это время избирать темами подобного рода работ «ереси и еретиков»¹⁰⁴.

В отношении историков Русской церкви уже в 1899 г. тоже было выставлено синодальное ограничение: им не рекомендовалось брать темы для диссертаций «из недавнего прошлого». Впрочем, церковно-общественная атмосфера и настроения академических корпораций были уже теперь не те, и указанный циркуляр, чаще всего не обладая реальной силой, воспринимался как забавный, хотя, порой, и досадный казус¹⁰⁵.

Подлинным духовным отцом петербургской церковно-исторической школы все эти годы, благоприятные и не очень, был Иван Егорович *Троцкий*¹⁰⁶. Это был не только прекрасный ученый-историк, обладавший остротой богословского мышления и прекрасными филологическими способностями, но и замечательный педагог, руководивший первыми научными опытами таких впоследствии корифеев, как В. В. Болотов, И. С. Пальмов, П. Н. Жукович, А. И. Бриллиантов. Последние всегда с благодарностью вспоминали его требовательность и доброжелательность, его умение поддержать молодого исследователя в правильно найденном им решении той или иной церковно-исторической проблемы¹⁰⁷.

С 1874 г. он также читал лекции по церковной истории в Петербургском университете. Здесь он тоже завоевывает прочный научный авторитет и в 1884 г. избирается ординарным профессором. В университете у него также были ученики, наиболее видным из которых стал его преемник по кафедре церковной истории Б. М. Мелиоранский¹⁰⁸.

Сознание специфических интересов русской церковно-исторической науки побуждает его выступить в 1880 г. с предложением учредить в СПбДА кафедру истории славянских церквей, многолетним руководителем которой стал его ученик, виднейший специалист по истории гуситского движения в Чехии Иван Саввич *Пальмов*¹⁰⁹.

Со времени введения академического устава 1884 г. Иван Егорович занимал в СПбДА вплоть до своей отставки в 1899 г. кафедру *истории и разбора западных исповеданий*. Хотя его ученые интересы более тяготели к христианскому Востоку и Византии, он и здесь создал довольно **цельный курс**,— по справедливому замечанию П. Н. Жуковича,— «стройно охватывающий предмет со всех сторон»¹¹⁰. Занимавшие затем эту кафедру его ученики.— по академии епископ Сергей (Страгород-

ский) и по университету И. П. Соколов,— по своим интересам были более богословы, чем историки, усилившие в своих лекциях сравнительно-богословский и экклезиологический элементы.

Живо откликался И. Е. Троицкий на современные ему церковные вопросы, были ли это греко-болгарская церковная распря или движение старокатоликов. Внимательно следя за событиями церковной жизни в мире, он в 1875—1891 гг. ежегодно помещал в издаваемом СПбДА журнале «Церковный вестник» исторические обозрения «Православный Восток и Инославный Запад в минувшем году». Когда в 1882 г. было образовано Императорское Православное Палестинское общество, он стал деятельным членом последнего, войдя в состав его Совета и участвуя в его научных изданиях.

Характеризуя Троицкого как историка Церкви, прот. Г. Флоровский пишет: «Это был исследователь вдумчивый и осторожный, у которого можно было учиться методу и историческому чутью. Это был историк с очень широким богословским и практическим кругозором. В прошлом он умел видеть живых людей, умел показать психологию событий»¹¹¹.

Характерно в этом отношении его самое крупное исследование «Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский и арсениты. (К истории Восточной церкви в XIII веке)» (СПб., 1873, 534 с.). В центре внимания историка оказывается вопрос об отношении церкви и государства в Византии периода упадка. Рознь белого и черного духовенства, борьба «икономистов» и «акривистов» — вот те факторы внутрицерковного разлада, которые помогли даже столь неустойчивой государственной системе, как византийская в XIII в., подчинить себе церковную организацию, ослабить ее общественное влияние. При этом Троицкий проводит историческую параллель с тогдашней церковной ситуацией на католическом Западе, где сплоченность духовенства во многом обуславливала обратные результаты.

Появившийся спустя два года обстоятельный труд И. Е. Троицкого «Изложение веры церкви армянской, начертанное Нерсесом, кафоликосом Армянским, по требованию боголюбивого государя греков Мануила. Историко-догматическое исследование в связи с вопросом о воссоединении Армянской Церкви с Православною» (СПб., 1875, IX, 339 с.) являл уже образец тонкого филологического анализа и историко-богословского синтеза. Такие работы способны довольно долго сохранять свою научную актуальность.

Многие годы Иван Егорович посвятил изучению греческих рукописей, находившихся в московских книгохранилищах, преимущественно в Синодальной библиотеке. Впрочем, опубликованной оказалась только небольшая часть исследованных и переведенных им памятников (Грамота Константинопольского патриарха Паисия I к Московскому патриарху Никону. Греч. текст и русск. перевод. ХЧ, 1881, ч. 1; Автобиография императора Михаила Палеолога и отрывок из устава данного им монастырю св. Димитрия. Греч. текст и русск. перевод. ХЧ, 1885, ч. 2; Иоанна Фоки сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о святых местах Палестины. — конец XII в. Греч. текст и русск. перевод. ППС, т. 8, вып. 2, СПб., 1889).

За свою жизнь И. Е. Троицкий собрал великолепную библиотеку, причем в ней были не только книги по различным отраслям истории, богословия и языкознания, но и старинные рукописи¹¹². Он охотно до-

пускал к своим «сокровищам» коллег профессоров и студентов, завещав все книги и рукописи родной Академии.

Василий Васильевич *Болотов* еще при жизни стал легендой¹¹³. Его ранняя кончина, больно пережитая ученым миром не только России, вызвала вскоре появление ряда мемориальных публикаций — воспоминание о его детстве, характеристика ученой деятельности, биографический очерк, библиография опубликованных работ и др.¹¹⁴. В настоящем очерке можно было бы пойти по пути создания некоего резюме ко всему этому и не слишком обширному, и вполне добротному материалу. Можно было бы сказать о его блестящих лингвистических и математических способностях, о его удивительной работоспособности и доведенном им до возможного для историка совершенства методе научного исследования. Наконец, можно было бы дать хотя бы краткую характеристику его блестящей магистерской работе об Оригене и изумительным разработкам по истории негреческого христианского Востока¹¹⁵. Можно также было бы указать на примеры церковной актуальности работы историка — будь то решение им вопроса о чиноприеме сиро-персидских несториан, воссоединившихся с Православной Церковью в 1898 г., или же его аргументированные суждения по календарной проблеме, или, наконец, ставшие классическими его тезисы о *Filioque*, сохраняющие свое значение доньше при богословском диалоге с представителями западных конфессий. Однако все же целесообразнее будет сказать несколько слов о том труде Василия Васильевича, который он сам к печати не предназначал, но который, выйдя посмертно по инициативе и благодаря кропотливой работе его преемника по академической кафедре А. И. Бриллиантова, стал, пожалуй, самым знаменитым его произведением.

Здесь уместно сделать одно предварительное замечание, характеризующее Болотова как ученого. Как указывает А. И. Бриллиантов, Василий Васильевич «поставил для себя задачей учено-литературной деятельности давать всегда в печати или что-либо совершенно новое и неизвестное доселе в науке, или, по крайней мере, поправки к старому, а не повторять лишь то, что было уже найдено и сказано другими раньше»¹¹⁶. Отсюда можно понять, почему Болотов не стремился к созданию общих исторических курсов, а к своим академическим чтениям, к которым, впрочем, готовился с обычной для него тщательностью, относился как к явлению, имеющему узкослужебное, а не общенаучное значение.

Между тем, уже после его кончины († 5 апреля 1900) стала реально ощущаться нужда в таком курсе истории Древней Церкви. Существовавшие на русском языке немногочисленные отечественные или переводные труды такого рода не удовлетворяли своим задачам. Здесь сказывалась и их неполнота, и нередко устарелость, и порой односторонность, если речь шла о переводах¹¹⁷. В то же время, помимо даже чисто академических интересов, такое издание было нужно и в силу наступившего церковно-общественного оживления, когда вопросы церковного устройства и богословской мысли требовали ясных ориентиров в историческом предании Церкви. Было понятно, что в изложении Болотова общеизвестное будет расцвечено малоизвестным и даже новооткрытым. Существующие мнения и утверждения заново рассмотрены и выверены, и отсюда сам курс обретет ту степень надежности и прочности, которая только и возможна для такого рода работ. Так и получилось. И теперь

уже о Болотове-историке стали судить преимущественно как об авторе «Лекций по истории Древней Церкви»¹¹⁸. Указанный труд вышел в четырех частях в течение более чем десяти лет (1907—1918), печатаясь как приложение к «Христианскому чтению». Он охватывал с разных сторон историю Церкви — от апостольских времен до конца эпохи Вселенских Соборов. Четвертая часть была посвящена истории богословской мысли на Востоке в IV—VIII вв.

Особый интерес представляет первая часть «Лекций» (СПб., 1907, IX, 234 с.), являющаяся вводной. Здесь Болотов определяет предмет изучения. Он вводит читателя в лабораторию церковного историка, знакомя с теми науками, методами и результатами которых ему приходится пользоваться, уделяя при этом особое внимание хронологии. Кроме того, он рассуждает об объективности и конфессионализме в церковной истории, указывая на необходимость в личных воззрениях опираться на католическую основу церковного свидетельства. Наконец, он дает достаточно подробный обзор источников древней церковной истории и их изданий, а также знакомит с греческой, латинской и восточной церковной историографией. В конце книги излагается взгляд Болотова на проблему периодизации церковной истории.

Мы не случайно предприняли здесь этот небольшой экскурс, поскольку данное «Введение» является единственной пока напечатанной работой подобного рода на русском языке. В конкретном же случае нас могут заинтересовать два момента в указанной части «Лекций» Болотова. Это предложенные им понятия об истории и о Церкви. Рассматривая их, Василий Васильевич приходит по существу к тем же заключениям, что содержатся в «Начертании» Филарета (Дроздова). По-видимому, он имел в виду и данный момент, и в этом смысле ему пришлось заниматься «повторением уже известного». Однако речь здесь все равно могла идти не об обычном повторении, а о выверке «классических» положений в их столкновении с появившимися иными воззрениями.

Говоря об *истории*, Болотов указывает, что она может быть названа наукой лишь *hominis causa*, поскольку для нее невозможно пользоваться методами наук в собственном смысле или т. н. наук «точных». В отличие от них она не знает законов явлений, которые бы позволяли теоретически или же экспериментально эти явления моделировать. В своих суждениях и выводах она не может претендовать на ту возможную степень точности, которая доступна им, скажем, в их измерениях. Правда, забегаая в наши дни, можно сказать, что и историк может теперь в большей степени пользоваться услугами естественных наук с их относительной «точностью», как, например, радиоуглеродной датировкой. Но суть дела это не меняет. «История, — говорит Болотов, — не принадлежит к числу наук дедуктивных, в основе которых лежат формы аналитического суждения. Наоборот, синтетическое суждение господствует в истории везде и всюду, так как она питается материалом объективно данным, заимствованным из внешней для нашей души и сознания сферы. Такие науки, если они достигли в своем развитии стадии истинно научной, должны допускать математическую обработку своего сознания. Другими словами: они должны открывать законы явлений и исследовать ход их развития. Но разве история знает ход изучаемых ею явлений?» Далее Василий Васильевич замечает, что появившиеся в XIX в. утверждения о наличии таких «законов» в истории суть «громкие фра-

зы». И если к историческим явлениям и приложимы иные «бесспорные утверждения» (типа «все люди смертны»), то их практическая ценность равна нулю. Свои рассуждения, опирающиеся на ряд сравнений и примеров, он заключает так: «Астроном, зная законы движения небесных тел, предсказывает солнечные и лунные затмения. Против них спорить не приходится. Но история находится не в таком положении... Не зная законов исторической жизни, история не может похвалиться способностью предсказывать будущее. Если бы история знала свои законы, то она могла бы восстановить недостающие сведения и о прошедшем путем вычислений...» Болотов сравнивает историю с искусством, отмечая, однако, что «историк в своей работе выступает не как архитектор, а скорее как ремесленник, умеющий выводить арки, опирающиеся на пилястрах, которыми являются в данном случае факты, засвидетельствованные историей. Постройка при этом тем прочнее, чем прочнее устойчивые факты, и чем теснее связь между ближайшими событиями» (ср. с «твердыми свидетельствами» как основанием истории у Филарета).

Говоря о ходившем среди русских историков суждении об истории как о «народном самосознании», Болотов замечает, что «истолковать таким образом историю так же просто, как источить воду из камня». «Поэтому, — заключает он, — должно иметь силу и простейшее определение истории, как повествования (ср. с филаретовским «изложением». — *И. И.*) о замечательных событиях, замечательных уже тем, что люди их заметили»¹¹⁹.

Говоря о Церкви, Болотов выводит историческое понятие о ней из этимологического разбора слова *ἐκκλησία* = *εκκλησία*, которыми она обозначена в Священном Писании. «Это греческое слово, — замечает он при этом, — не нуждается в определении, подобно тому как хлеб не определяют, а предлагают». Итак, *εκκλησία* — это *общество*. Не какая-то его привилегированная часть (*βουλή*), но именно все общество. При этом слово *εκκλησία* происходит от глагола *εκκαλεῖν* = созывать, почему в Новом Завете, особенно в посланиях апостола Павла, члены Церкви нередко обозначаются словом *κλητός* = званный (Рим. I; I; Еф. IV, 1 и др.). Далее он останавливается на историческом значении слова *εκκλησία*, подчеркивая, что никакой «невидимой церкви» (лютеранское воззрение) быть не может. «В невидимом можно участвовать только духовно, в *εκκλησία* не иначе, как и телом». Отсюда «участие в невидимой церкви походило бы на невидимое участие в воинской повинности». Таким образом, в этом понятии заключен момент актуальности.

В то же время в основанной Христом Церкви, хотя она и состоит из званых, ясно виден характер всеобщности, в ней нет аристократического момента, подобно как в афинской *βουλή*. Таким образом, Болотов заключает, что церковная история могла бы взять понятие *εκκλησία* = общество точкою своего отправления, «разумая под церковью такую общину, где каждый член призывается к закономерному участию в жизни общей, совместной» (подчеркнуто мною. — *И. И.*), рассматривая при этом «как явления ее жизни, так и идеи, желания и цели, к которым она стремилась»¹²⁰ (ср. с задачами церковной истории в «Начертании» Филарета).

Мы не случайно более подробно остановились на рассмотрении вводного раздела «Начертания» Филарета и первых двух глав «Лекций»

Болотова. Их сравнение достаточно наглядно показывает принципиальное единство школы в ее начальном основании и высочайшей вершине.

Как уже отмечалось, подготовка издания «Лекций» В. В. Болотова явилась многолетним делом его преемника по кафедре общецерковной истории в СПбДА Александра Ивановича *Бриллиантова*¹²¹. Это был замечательный ученый и прекрасный профессор троицко-болотовской школы. Его собственный курс лекций, который сформировался за десять-двенадцать лет с начала преподавательской деятельности в СПбДА (1900—1912), мог бы явиться прекрасным восполнением дидактического наследия Болотова¹²².

Начиная свои «чтения», Бриллиантов прежде всего особо подчеркивал, что церковная история есть наука не только историческая, но и богословская. «К церковному историку,— говорил он,— по самому существу разрабатываемого им предмета, предъявляются требования в известном смысле высшие, нежели какие могут быть предъявлены по отношению к историку гражданскому. Если для последнего не должно быть чуждо вообще ничто человеческое — *humanum*, то для первого не должно быть чуждо также и божественное — *divinum*, насколько оно проявилось в положительном откровении и усвоено мыслью и жизнью человечества за все время исторического существования церкви христианской. Другими словами, церковный историк не может излагать историю церкви, не будучи в то же время *богословом*. Основательное знание христианской догмы для него безусловно потому, что история догмы есть важнейшая часть истории церкви. Если он не будет богословом, он будет стоять ниже своего предмета и будет блуждать, так сказать, по периферии церковной жизни, не касаясь ее центра. Напротив, чем выше его богословская точка зрения, чем глубже будет его познание в богословии, тем более будет он иметь возможности правильно понять внутреннюю сущность жизни церкви. Вот главное требование к историку Церкви, степенью удовлетворения которому прежде всего должна быть измеряема степень приближения его к идеалу»¹²³.

Впрочем, духовное преемство сказалось и здесь. Александр Иванович был довольно скромного мнения о своем детище, отдав при этом немало сил собиранию труда своего учителя.

Широкую научную известность Бриллиантов получил в 1898 г., будучи еще преподавателем Тульской духовной семинарии, благодаря своей магистерской диссертации о влиянии восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. Данная работа и по сей день является едва ли не лучшим исследованием, посвященным богословским воззрениям и литературной деятельности Эригены — этого интереснейшего представителя религиозной мысли Средневековья. Кроме того, для всех интересующихся богословской мыслью патристического периода, восточной и западной, она сохраняет значение ценного пособия¹²⁴.

В 1900 г. Бриллиантов избирается доцентом на кафедру общецерковной истории в СПбДА вместо скончавшегося В. В. Болотова. Его педагогические труды продолжались там вплоть до закрытия Академии в сентябре 1918 г. В 1920—1923 гг. он состоял профессором Богословского института в Петрограде.

После диссертации об Эригене особо крупных работ в печати у него не выходило. Однако этот факт не умаляет его значения как ученого.

В известном смысле, получившие всемирную известность «Лекции» Болотова явились его детищем и стоили ему двенадцатилетнего кропотливого труда. Свои же «Чтения по общецерковной истории», представляющие достаточно обработанный и вполне добротный академический курс, он к печати не предназначал.

Также десятилетие (1908—1918) он собирал материалы к обширной «Истории монофелитского спора», которую, очевидно, мыслил на первых порах как свое докторское сочинение. (Степень доктора церковной истории была ему и без того присуждена в 1914 г.) Впрочем, результаты этого труда даже в их оставшемся «сыром» виде представляли бы значительный научный интерес.

Прежде всего, Бриллиантов рассматривает идейные корни этого спора. В связи с этим он прослеживает историю использования оказавшихся в центре его понятий — *υλοστασις, γνωσις, θελημα, ενεργεια* (личность, знание, воля, действие) в античной философии и христианском богословии. Самое серьезное внимание исследователь уделяет источникам, в т. ч. неизданным, — греческим, сирийским, армянским, связанным с вопросами, затрагиваемыми его работой. Так, по фотокопиям сирийских рукописей из Британского музея он сделал научный перевод некоторых памятников монофелитской полемики, в том числе представляющей большой исторический интерес «Истории Максима» (по кодексу add. 7192). По мысли Бриллиантова, центральной фигурой предполагаемого сочинения должен был стать наиболее яркий борец с монофелитством за Православие преп. Максим Исповедник. Ученый собрал все доступные сведения о рукописях, содержащих его творения и жизнеописания. Сами же памятники, частью по рукописям, были проработаны им досконально. Он также сделал предметом своего рассмотрения состояние богословской мысли на Востоке и Западе в V—X вв., как у православных, так и у монофелитов. Ученого привлекала история и география тех мест, где разворачивались интересовавшие его события¹²⁵.

Заметным событием в церковно-исторической науке явилось издание в 1905 г. видным немецким филологом Эдуардом Шварцем неизвестного до тех пор послания Антиохийского собора «к Александру, епископу Нового Рима», содержащегося в сирийской рукописи Codex Parisinus 62. Этот памятник проливал дополнительный свет на историю арианского спора в период до Первого Вселенского Собора 325 г. Однако такие известные церковные историки, как аббат Л. Дюшен (1907, 1908) и А. Гарнак (1909, 1910), отказывались признать его подлинность, а последний даже вступил в связи с этим в полемику с его издателем. Впрочем, в качестве подлинного указанное послание было воспринято русским историком Древней Церкви, профессором МДА А. А. Спасским, введшим сведения о нем и содержащиеся в нем данные в свою капитальную «Историю догматических движений в эпоху вселенских соборов» (т. I, Сергиев Посад, 1906), французским сирологом аббатом Нб (1909), а также известным немецким ученым-догматистом Р. Зеебергом и церковным историком К. Холлем (1910)¹²⁶.

Важное значение в плане положительного решения вопроса о подлинности новооткрытого памятника и возможной исторической реконструкции связанных с ним событий из истории арианского спора принадлежит трудам двух русских ученых — священника Дмитрия Александровича Лебедева (1871—1923) и А. И. Бриллиантова. Первый из них,

в то время несший пастырское служение в г. Можайске под Москвой (с ноября 1915 г. занимал кафедру истории Древней Церкви в МДА), дал наиболее детальную аргументацию в пользу достоверности послания, указав и наиболее вероятную дату собора в Антиохии — осень 324 г. (см.: Антиохийский собор 324 года и его послание к Александру, епископу Фессалоникскому. ХЧ, 1911, ч. 2, и отд. изд., СПб., 1911, 43 с.). Второй же выдвинул две блестящие гипотезы относительно деталей этого события. Во-первых, что почетным председателем Антиохийского собора 324 г., осудившего Ария и трех солидарных с ним епископов, в т. ч. известного Евсевия Кесарийского, было доверенное лицо Константина Великого, виднейший впоследствии никеец Осий, епископ Кордубский, чье имя, оказавшееся первым среди имен, подписавших соборное послание 56-ти епископов в сирийской транскрипции, было передано как «Евсевий», что, впрочем, встречается и в других сирийских памятниках (хроника Liber chaliphaqum и хроника Михаила Сирийца). И вторых — об инициативе антиохийских отцов созвать на Ария и его сторонников великий собор в Анкире, вместо чего император, пожелавший придать указанному церковному форуму через приглашение на него западных епископов большую представительность, назначил его созыв в географически более удобно расположенной Никее, что и вытекало из его считавшегося некоторое время сомнительным послания, сирийская версия которого (по Cod. Brit. Mus. add. 14528) была впервые опубликована в 1857 г. Б. Каупером (B. H. Cowper) в *Analecta Nicaena* (см.: К истории арианского спора до Первого Вселенского Собора. ХЧ, 1913, ч. 2 и отд. изд., СПб., 1913, 51 с.).

Здесь следует отметить, что с 1908 г. о. Д. А. Лебедев и А. И. Бриллиантов находились в тесном общении посредством оживленной переписки, причем последний оказывал помощь своему коллеге в указанной работе, присылая необходимую литературу. Эта замечательная в своем роде переписка двух всемирно признанных корифеев русской церковно-исторической науки продолжалась и далее, имея главным своим предметом сложные вопросы древней церковной истории и хронологии¹²⁷.

Нужно сказать, что А. И. Бриллиантов, несмотря на свою большую занятость, всегда охотно откликался, когда к нему обращались за консультацией или интересовались его компетентным мнением по тому или иному церковно-историческому, богословскому или практическому вопросу.

Следуя заветам В. В. Болотова, он стремился сделать работу историка церковно актуальной. Так, Бриллиантову пришлось стать его преемником в должности делопроизводителя синодальной Комиссии по старокатолическому и англиканскому вопросу. Здесь он немало потрудился в разработке тех мнений и отзывов, которые предлагались затем как официальная точка зрения Русской церкви. Ему принадлежала инициатива издания материалов В. В. Болотова в связи с вопросом о Filioque в диалоге со старокатоликами и подготовка их к печати (ХЧ, 1913 и отд., изд., СПб., 1914, VI, 138 с.). Он также был активным участником Предсоборного Присутствия в 1906 г., не чуждался работы в различных церковно-общественных комиссиях, наконец, состоял членом Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг.

В своих экклезиологических воззрениях он всегда оставался поборником широкой соборности и самостоятельности местных церковных об-

щин при сохранении в них ясного кафолического сознания. Его идеалом была максимальная вовлеченность каждого члена Церкви в ее жизнь во всей полноте видимого и невидимого в ней¹²⁸. Уже в своем позднем исследовании «История развития папской власти в Западной церкви (II—IX вв.)» (ок. 1922), оставшемся в рукописи¹²⁹, он проявляет себя как противник авторитаризма и организационной централизации в Церкви. С этой точки зрения ему в равной мере не приемлемы как папство, так и «вселенские» притязания Константинопольской патриаршей кафедры. Указанное сочинение Бриллиантова, имеющее целью отделить кафолическое предание Апостольской Церкви в области церковного строя от условности исторических наслоений, обнаруживает владение материалом и ясность аргументации автора.

Вопросам исторических судеб Церкви и веры Христовой посвящен печатавшийся в «Христианском чтении» в 1914—1916 гг. его обстоятельный труд «Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 года» (отд. изд., Пг., 1916, VII, 197 с.). Переработанный из юбилейной речи, произнесенной в 1913 г., он вырос в глубокое научное исследование вопросов происхождения и установления подлинного текста и точного смысла миланского закона, определившего новое отношение между государством и церковью на основе религиозной свободы.

Историческое столкновение языческого государства с его тотальностью и открывшегося на земле с пришествием Христа царства не от мира сего, с указанием им цели земной жизни за земными пределами и повелением — Божие воздавать Богу и лишь кесарево — кесарю, неизбежно вело в духовном прогрессе человечества к победе последнего. Поэтому личной заслугой императора Константина было осознание этой перспективы, побудившее его к «смелому и неожиданному перевороту». «Вопрос о победе христианства по его внутренней силе над язычеством, — пишет Бриллиантов, — был, разумеется, лишь вопросом времени; христианство, рано или поздно, так или иначе, утвердилось бы в империи, если бы Константин в свое время и не выступил его поборником. Но Константин своим выступлением и деятельностью ускорил, так сказать, ход истории в нормальном направлении и навсегда связал свое имя с фактом решительного торжества христианской религии в языческом дотоле мире. История определила его значение, усвоив ему эпитет «великого», церковь восточная отнесла его к лику святых и именует «равноапостольным»¹³⁰. Бриллиантов рассматривает далее весь ход религиозной политики Константина. Он оспаривает мнение Ал. П. Лебедева и некоторых других историков о становлении христианства при Константине государственной религией империи. Изучение законодательных актов и событий того времени приводит его к выводу, что, «покровительствуя христианам, Константин и здесь... хотел держаться, прежде всего, в пределах лишь справедливости»¹³¹. Собственно, для утверждения тогда своего влияния в обществе Церковь и не нуждалась в мерах государственного принуждения. «Христианство, — подчеркивал Бриллиантов, — само в себе заключает свидетельство своей истинности, и для правосмыслящих и стремящихся к добродетели должна быть ясна эта истинность...»¹³².

До конца своих дней Александр Иванович оставался истинным тружеником исторической науки, бескомпромиссным в своей церковной убежденности.

Касаясь постановки преподавания церковной истории в СПбДА, следует добавить, что в соответствии с академическим уставом 1884 г. вместо кафедры новой общей церковной истории была образована кафедра *истории и разбора западных исповеданий*, а в 1903 г. удалось открыть кафедру *истории Греко-Восточной церкви* «со времени отпадения Западной церкви от Вселенской до настоящего времени». На ней же стали читать курс и по истории церквей не-греческого Востока, что привело к прибавлению в ее «титуле» — «в связи с историей церквей Грузинской, Армянской и других восточных». В 1903—1918 гг. ее занимал выпускник Казанской академии Иван Иванович *Соколов*, автор ряда работ по истории греческих церквей, создавший на материалах Патриаршего архива в Константинополе монументальный труд «Константинопольская церковь в XIX веке. Опыт исторического исследования» (т. 1, СПб., 1904, XXXV, 813, 150 с.)¹³³.

В 1872 г. преподавание истории Русской церкви было отнесено в СПбДА к особой кафедре, причем в 1875—1884 гг. ей полагалась приват-доцентура по истории синодального периода¹³⁴. Первым профессором на самостоятельной кафедре русской церковной истории стал священник (впоследствии протоиерей) Павел Федорович *Николаевский* — историк российского патриаршества, друг В. В. Болотова¹³⁵.

Среди церковных историков рассматриваемого периода, связанных с СПбДА, следует упомянуть Николая Афанасьевича *Скабаллановича*, занимавшего в 1873—1907 гг. кафедру новой общей гражданской истории¹³⁶. Младший современник И. Е. Троицкого, он также предпринял труды по научной разработке истории поздней Византии. Особый интерес представляет его обширное сочинение «Византийское государство и церковь в XI веке, от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексия I Комнина» (СПб., 1884, LXXI, 449 с.), построенное на детальном рассмотрении источников внешней государственно-церковной истории Византийской империи. Круг интересов ученого, кроме того, простирался на область церковно-исторических вопросов позднего Средневековья — восточного, западного и русского. История Русской Церкви была обогащена им серьезным историко-эклизиологическим исследованием «Об Апóкрисисе Христофора Филалета» (СПб., 1873, V, 224 с.) — посвященным богословской полемике вокруг Брестской унии 1596 г.

Продолжателем дела В. В. Болотова в области христианской ориенталистики с немалым успехом выступил его ученик Александр Петрович *Дьяконов*, занимавший в СПбДА с 1903 г. кафедру общей гражданской истории, а по ее закрытии в 1911 г. — педагогики (по 1916 г.)¹³⁷. В центре его научных интересов находилась древнесирийская церковная историография и духовная литература. Особую ценность сохраняет его магистерская работа «Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды» (СПб., 1908, 417 с.), явившаяся первой в мировой науке обстоятельной монографией об этом видном сирийском церковном историке и монофизитском деятеле VI в.

Высокого ученого и богословского уровня к началу XX в. достигло в СПбДА также изучение древнецерковной литературы — греческой и латинской. Последняя стала предметом многолетнего изучения Александра Ивановича *Садова*, занимавшего в 1883—1908 гг. кафедру латинского языка и его литературы¹³⁸. Его научное наследие оказалось

достаточно обширным. Из его работ следует особо отметить докторскую диссертацию «Древне-христианский писатель Лактанций» (СПб., 1895, XXV, 273 с.), сыгравшую в мировой научной литературе роль наиболее обстоятельной монографии о сочинениях и богословских воззрениях знаменитого христианского автора константиновой эпохи. Профессорские труды А. И. Садова нашли свое завершение в превосходном курсе «Латинский язык в памятниках христианской письменности древнейшего времени (до VIII века). Опыт исторического и систематического обзора языка древних западных христиан-латинян», который, к сожалению, оказался опубликованным не полностью (вышел только первый выпуск первой части, Пг., 1917).

История богословской мысли Древней Церкви имела талантливое освещение в лекциях по патрологии, читавшихся в СПбДА в 1907—1918 гг. Николаем Ивановичем *Сагардой*¹³⁹. Его докторское сочинение «Св. Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Его жизнь, творения и богословие. Патрологическое исследование» (Пг., 1916, 643 с.) явилось важным этапом в изучении патристического наследия III—IV вв.

В области русской церковной истории немало потрудился целый ряд наставников и выпускников СПбДА. Особый интерес здесь сохраняют труды А. И. Пономарева¹⁴⁰, прот. В. И. Жмакина¹⁴¹, В. З. Завитневича¹⁴², П. Н. Жуковича¹⁴³, К. Я. Здравомыслова¹⁴⁴, П. С. Смирнова¹⁴⁵, С. Г. Рункевича¹⁴⁶, И. И. Бриллиантова¹⁴⁷, К. В. Харламповича¹⁴⁸, еп. Сергия (Тихомирова)¹⁴⁹, священн. В. М. Верюжского¹⁵⁰, А. В. Карташова¹⁵¹, Б. В. Титлинова¹⁵².

Несомненную пользу для подготовки будущих церковных историков имели занятия на кафедре церковной археологии в связи с историей христианского искусства и в Церковно-археологическом музее СПбДА, которыми долгие годы руководил видный ученый Николай Васильевич *Покровский*¹⁵³.

В свою очередь, для будущих исследователей русской церковной истории особое значение имели занятия на кафедре церковнославянского языка с палеографией и истории русской литературы¹⁵⁴, блестящими профессорами которой были питомцы СПбДА — видный археограф и исследователь памятников древнерусской письменности Дмитрий Иванович *Абрамович* (в 1898—1909 гг.)¹⁵⁵ и замечательный ученый, известный исследователь славянской Библии Иван Евсеевич *Евсеев* (в 1909—1918 гг.)¹⁵⁶. Эти занятия имели тем большую ценность, что связывались с практикой, когда студенты обязаны были представлять доклады из области палеографического, грамматического и историко-литературного исследования древнерусских памятников, материалом для чего служили рукописи знаменитых Новгородской Софийской и Кирилло-Белозерской библиотек, которые с 1859 г. хранились и изучались в СПбДА¹⁵⁷.

Закончить этот очерк хотелось бы особым упоминанием еще об одном выдающемся представителе петербургской церковно-исторической школы — академике Николае Константиновиче *Никольском*¹⁵⁸. Значение его трудов для истории Русской церкви и русской духовной культуры так же велико, как значение трудов В. В. Болотова для истории Древней Церкви. Причем, особую ценность здесь имеют не только конкретные результаты его многолетней и напряженной работы, значитель-

ные сами по себе, но и те перспективные задачи науки, которые были ею поставлены.

Его церковно-исторические интересы пробудились еще на студенческой скамье. Знакомство с богатым документальным материалом Кирилло-Белозерского собрания натолкнуло тогда еще молодого Николая Никольского на мысль заполнить на его основе «существовавший в то время в науке пробел по истории экономического и хозяйственного быта старой Руси, воспроизвести строй и уклад жизни одной из хозяйственных организаций Московии...» — как писал он позднее¹⁵⁹. Работал он не спеша, тщательно прорабатывая материал. Первый выпуск его монографии «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625)» появился в 1897 г., следующий — в 1910 г.¹⁶⁰. Так же рано проявился его интерес и к древнерусской литературе, особенно к творениям отечественных церковных писателей и проблеме книжности в Древней Руси. Заметным явлением в науке стала его магистерская диссертация «О литературных трудах митрополита Климента Смолятича» (СПб., 1892, VII, 229 с.). Пять лет спустя он подготовил публикацию Обществом любителей древней письменности «Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века» (ИОЛДП, вып. 113, СПб., 1897, IX, 328, 12 с.) — издание, сохраняющее до сих пор большую научную ценность.

Свои занятия историей древнерусской литературы он сочетал с деятельностью профессора СПбДА по кафедре гомилетики и истории проповедничества, а затем истории Русской церкви (до 1910 г.), строя свои лекции по этим дисциплинам на глубоком осмыслении источников¹⁶¹.

К этому времени у него сформировалось четкое представление о перспективных путях изучения древнерусской литературы. «С правильным движением научной мысли, — писал он в 1902 г., — несовместимы поспешные обобщения, основанные на недостаточных и мало изученных источниках. Ошибочное наблюдение, полученное таким образом, может задержать на продолжительное время поступательный ход науки по ее прямому направлению. Строго научная методика требует поэтому, чтобы вывод не отделялся посредствующими скачками от посылок, из которых он исходит»¹⁶². Упомянутые преждевременные обобщения Никольский обнаруживал в курсах по истории древнерусской литературы, появлявшихся в XIX в., начиная с известной «Истории русской словесности, преимущественно древней» С. П. Шевырева (1846—1860)¹⁶³. По его убеждению, время для создания такой «Истории» тогда еще не настало. Ее составлению должна предшествовать большая и кропотливая работа по изучению состояния древнерусской книжности, конкретнее же — состава древнерусских библиотек. Действительно, как можно говорить о духовной культуре Древней Руси, не представляя достаточно того, что составляло круг чтения в тех или иных слоях древнерусского общества? Кроме того, такое изучение позволило бы подойти к решению текстологических задач при исследовании памятников. «Систематическая разработка библиотечного дела, — отмечал Никольский, — должна не только заново перестроить целые отделы допетровской литературы, но и отыскать нить к разысканию первоначальных текстов... Изучение истории и состава библиотек даст обширный и надежный статистический материал, из которого мы узнаем, что было излюбленным чтением древнерусского церковника и какие сочинения с их идеа-

лами содействовали мировоззрению его и всего русского общества»¹⁶⁴.

И Н. К. Никольский начал многолетнюю работу по изучению рукописной книжности древнерусских библиотек. Результатом ее к 1925 г. стала картотека, которая будучи сдвинутой в один ряд заняла бы 25 метров (!)¹⁶⁵. Указанная картотека состоит из следующих отделов: а) алфавитный список авторов и их произведений, переводных и оригинальных, с указанием рукописей IX—XVII вв.; б) список сохранившихся пергаменных рукописей с перечнем их содержания; в) хронологический список славяно-русских датированных рукописей от XI до начала XVIII в., как материал для хронологизации памятников; г) географический указатель библиотек, как прежних, так и современных; д) алфавитный список владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков, книгохранителей¹⁶⁶.

Важной задачей всей этой работы Николая Константиновича была подготовка к академическому изданию «Полного собрания памятников древнерусской литературы». Этот сериал, который явился бы, по преимуществу, подлинной русской патрологией, был задуман еще в 1898 г. академиками М. И. Сухомлиновым и А. А. Шахматовым. В 1901 г. при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук с этой целью была образована специальная комиссия. Ее душой и самым активным деятелем и становится Н. К. Никольский. Подготовка издания требовала длительной и серьезной работы, о которой говорилось выше. Обобщая обретенный опыт, Комиссия выработала правила издания памятников, список авторов и безымянных сочинений XI—XII вв.¹⁶⁷.

События революции и последующей разрухи приостановили работу Комиссии. Однако с 1920 г. Н. К. Никольский, ставший директором Библиотеки Академии наук и Института книговедения, стал пытаться возродить ее деятельность. В 1925—1928 гг. ему удалось в достаточной мере систематизировать свою картотеку, пополнение которой продолжалось. С октября 1928 г. Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы стала учреждением Академии наук СССР в составе председателя и трех штатных сотрудников¹⁶⁸. К сожалению, она прекратила свое существование с кончиной Н. К. Никольского в 1936 г.

Напряженная работа ученого, связанная с деятельностью Комиссии, не являлась препятствием для его собственных научных разработок, которые он продолжал до своей кончины.

Среди них особый интерес представляет выдвинутое им положение о западнославянском влиянии в древнерусской письменности. Многолетние наблюдения за литературными памятниками Киевской Руси и состоянием в ней книжного дела привели его к научно обоснованному выводу о том, что формирование древнерусской христианской литературы происходило под воздействием не только южнославянской, но и западнославянской книжности.

Важной вехой в изучении этого явления стало издание Никольским в 1909 г. жития св. Вячеслава, князя Чешского, по двум известным русским рукописям XVI в.—сборнику из собрания Боровского монастыря № 623 (ЦГИА, ф. 843, оп. 3, д. 4025, л. 371 об. и след.) и четъей-минее на сентябрь из собрания Соловецкого монастыря № 500 (ГПБ, Сол. 519/500, л. 274 и след.)¹⁶⁹. В основе этого памятника лежал относящийся к XI в. и имевший чешское происхождение славянский перевод

т. н. Гумпольдовой легенды, т. е. латинского жития св. Вячеслава, составленного в конце X в. Мантуанским епископом Гумпольдом. Еще ранее исследователи порой обращали внимание на то, что данный перевод сохранился только в русских списках, делая из этого вывод о «глубокой старине чешско-русских связей»¹⁷⁰. В свою очередь, имея в виду упоминание «мучения и страсти... святого Вячеслава» в «Сказании о свв. Борисе и Глебе» (кон. XI—нач. XII в.), Никольский выдвинул предположение о знакомстве его автора не только с оригинальным западнославянским житием, русский список которого был издан еще в 1827 г. А. Х. Востоковым (по сборнику XVI в., ГБЛ, Рум. 436)¹⁷¹, но и с существенно отличающейся от него Гумпольдовой легендой. При этом, по его мнению, славянское переложение последней представляло подлежащий «еще дальнейшей оценке факт из истории древнейшего периода славянской письменности и ее общения с латинской агиографией»¹⁷².

В 1918 г. Н. К. Никольский опубликовал заметку «К вопросу о западном влиянии на древнерусское церковное право», где дал ясное обоснование мнению, высказанному еще в 80-е гг. XIX в. видным русским канонистом Н. С. Суворовым, о наличии в «Вопрошаниях» новгородского иеродиакона Кирика (XII в.) заимствования из пенитенциала германского архиепископа Бонифация († ок. 755) (вопр. 76: правило о замене епитимьи заказными литургиями)¹⁷³. Это мнение в свое время подвергалось критике, исключавшей возможность западного влияния в южнославянских и древнерусских церковных памятниках, на основании наличия некоего греческого источника, как для латинских пенитенциалов, так и для славянских канонических сочинений¹⁷⁴.

Между тем, исследуя текст, Никольский пришел к выводу, что в вопрошании Кирика ясно видны следы именно латинского памятника. Имея в виду известное соприкосновение восточного и западного влияний в Моравии и Паннонии в период деятельности там славянских просветителей свв. Константина-Кирилла Философа и Мефодия и позднее, вполне можно было прийти к заключению о западнославянской версии упомянутого «правила», оказавшейся известной новгородскому канонисту XII в.

Проблеме западнославянского влияния на древнерусскую литературу был впоследствии посвящен ряд работ ученого¹⁷⁵. Особый интерес в этом плане представляет вышедший в 1930 г. первый выпуск его труда «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании». Здесь он подвергает детальному рассмотрению «Сказание о переложении книг на словенский язык» в «Повести временных лет» и находящиеся в ней вводные статьи, также имеющие в своей основе моравские источники. Исследователь обращает внимание на «загадочное» умолчание о начале русской письменности в дошедшем до нас Лаврентьевском списке «Повести». Последнее обстоятельство связывается им с появившейся уже в древности тенденцией усматривать зависимость русской духовной культуры только от «греков», исключив память о влиянии западнославянских «католиков»¹⁷⁶.

Указанные разработки Никольского внесли значительный вклад в изучение взаимосвязи славянских церковных литератур на раннем этапе их существования¹⁷⁷.

Свои ученые труды Николай Константинович также сочетал с участием в церковно-общественной жизни. Так, в 1905 г. он явился автором проекта заявления группы профессоров СПбДА относительно целей и задач предполагавшейся церковной реформы. Здесь и в последующих своих выступлениях по этому вопросу он высказывался за широкое осуществление соборных начал в церковной жизни. Задачи предстоящего Поместного Собора он видел не столько в формальном преобразовании строя церковного управления, сколько в актуальном выявлении церковного мировоззрения¹⁷⁸.

Как церковный ученый, до конца преданный своему делу, Н. К. Никольский навсегда оставил по себе благодарную память, а его труды явились прекрасным завершением здания петербургской церковно-исторической школы.

* * *

Подводя итог настоящему обзору более чем столетнего пути петербургской церковно-исторической школы, следует еще раз вкратце обозначить три последовательных этапа ее развития.

1. Период *начального становления*, ознаменовавший первые годы существования СПбДА, впрочем, в дидактическом плане неоправданно затянувшийся еще на три с лишним десятилетия. Ведущей фигурой этого периода явился преосв. Филарет (Дроздов). Его заслугой стало обеспечение указанного становления школы, через усвоение ею результатов трудов предшествовавших, преимущественно западных церковных историков, и определение своих собственных целей.

2. Время *собираания церковной истории*, расцвет которого пришелся на 50—60 гг. XIX в. Этот период, наметившийся еще в 20-е гг. прошлого столетия и порой инерционно затягивавшийся до его окончания, был временем интенсивного сбора оригинального исторического материала, в основном отечественного, и его начальной научной обработки, благодаря чему последний надолго становился объектом ученого и церковно-общественного внимания. Среди ярких фигур этого времени выделяются наставники и питомцы СПбДА, прежде всего, преосв. Макарий (Булгаков), а также прот. И. И. Григорович, еп. Порфирий Успенский, И. И. Чистович и др.

3. И, наконец, последняя четверть XIX — первые два-три десятилетия XX в. явили стадию *высшего синтеза* в церковно-исторической науке, которым, прежде всего, отмечены труды И. Е. Троицкого, В. В. Болотова, Н. К. Никольского и А. И. Бриллиантова. На этой стадии исторический материал проходил уже возможно всестороннюю научную обработку, которая, помимо внесения в науку нового, приводила порой к открытию неизвестного в известном, а также иногда вела к пересмотру иных представлений, сложившихся нередко в поспешном синтезе предшествовавшего этапа. Для нее были характерны высочайшая требовательность к результатам исследования и выверенность даваемых заключений, глубина богословского проникновения в оценки событий церковной истории и широта видения исторического горизонта церковной действительности.

Закljučить этот небольшой очерк следует благодарением Богу за то, что наследие петербургской церковно-исторической школы в лице ее лучших представителей, несмотря на известные исторические разрывы,

дошло до нас. Субъективные причины, а чаще объективные обстоятельства не позволили всему этому богатству в свое время увидеть свет. Это прежде всего ученые труды и некоторые другие материалы, находящиеся в личных архивах И. Е. Троицкого, В. В. Болотова, А. И. Бриллиантова и Н. К. Никольского. Первые три из этих собраний вместе с фондами ряда других профессоров СПБДА в настоящее время находятся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, а последнее хранится в ленинградских Архиве и Библиотеке Академии наук СССР. Их изучение и научная актуализация могут стать важной задачей современной духовной школы города на Неве. Подлинный прогресс нынешней русской церковной науки возможен как преемство трудов и поисков наших славных предшественников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Александро-Невской славянской школе обучали азбуке, письму, арифметике, псалтири (чтению по-церковнославянски), грамматике и толкованию евангельских блаженств. Главным учебным пособием был «Букварь или начальное учение отроком» Феофана Прокоповича (*Чистович I*, с. 8).

² Известно, что в богословском классе (являвшемся последним из восьми классов семинарского обучения) преподавались: богословие догматическое, нравственное, сравнительное (богословская полемика) и истолковательное (библейская герменевтика); в философском: логика, психология, метафизика и нравственная философия (этика); в классе риторики: красноречие и поэзия; кроме того, в остальных классах преподавались также: общая история, география, арифметика и геометрия, и языки — латинский, греческий, еврейский, французский и немецкий. (Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга, соч. Г. Богданова, дополненное и изданное В. Рубаном, СПб., 1779, с. 339—365; *Чистович I*, с. 21—22.)

³ Описание греческих рукописей Синаодальной (б. Патриаршей) библиотеки было предпринято в связи с желанием ознакомиться с ней прибывшего в Россию голштинского герцога Христиана Августа. Каталог, составленный А. Скиадой на русском и латинском языках, был напечатан в Москве в 1723 г. в 50 экземплярах. В 1724 г. профессор Лейпцигского университета Капп (Kapp) издал его под названием «*Arcana bibliothecae Synodalis*», а в 1796 г. он был вновь перепечатан Шерером (Schörer) в издании «*Nordische Nebenstunden*», Frankfurt und Leipzig. Однако, когда в 1805 г. Фр. Маттеи выпустил свой каталог греческих рукописей Московской Синаодальной библиотеки (*Accurata codicum graecorum S. Synodi notitia et recensio, Lipsiae*), казалось, что работа Скиады содержит множество погрешностей. Так, последний во многих случаях ошибочно определял время написания рукописей; сборники, составленные из сочинений разного содержания и разных авторов, приписывал одному из них и т. д. Кроме того, его каталог представлял из себя лишь перечень кодексов с самым общим обозначением их содержания. Впрочем, несмотря на серьезные недостатки каталога Скиады, вызванные отсутствием должной подготовки их составителя, он имел то положительное значение, что впервые сделал известным ученому миру Европы сокровища знаменитого русского книгохранилища.

⁴ Буддей (Buddeus) Иоган-Франц (1667—1729), видный немецкий протестантский ученый-богослов, состоял профессором философии, греческого и латинского языков и богословия в университетах Виттенберга, Кобурга, Галле и Иены. В философии явился ярким противником распространившегося тогда вольфианства. Разработал получившую известность свою систему христианской этики (*Institutiones Theologiae Moralis*, 1711). Автор ряда пособий по библейской и церковной истории. Ему принадлежит также «Историческое введение в общее богословие» (1727), которое вместе с другими его сочинениями оказало сильное влияние на формирование ряда русских богословов XVIII—начала XIX в.

⁵ *Чистович I*, с. 17.

⁶ Там же, с. 18.

⁷ Там же. В архиве Канцелярии Святейшего Синода об этом имеется особое дело (ЦГИА, ф. 796, оп. 26, 1745 г., д. 181).

⁸ По кончине Никодима Селлия в 1746 г. рукопись этого сочинения досталась

Амвросию Зертыс-Каменскому, бывшему в 1740—1753 гг. префектом Александро-Невской семинарии, впоследствии архиепископу Московскому. После его смерти в 1771 г. Н. Н. Бантыш-Каменский передал ее в Московский главный архив Министерства иностранных дел (ныне РО МГАМИД в ЦГАДА), где с ней и познакомился префект Новгородской семинарии иеромонах Амвросий Орнатский (впосл. епископ Пензенский, †1827), высоко оценивший этот труд Селлия и использовавший его при составлении своей «Истории российской иерархии» (чч. 1—6, М., 1807—1815). См. об этом: *Амвросий*, иером. Указ. соч., ч. 1, с. I—II, V—VI.

⁹ Указанное сочинение Селлия вышло на русском языке в 1815 г. в Москве под названием: «Каталог писателей, сочинениями своими объяснивших гражданскую и церковную российскую историю». Эта небольшая работа (36 с.) содержит указание 164 авторов, писавших что-либо о России.

¹⁰ Включено в состав «Древней российской вивлиофики», 1-е изд. (М., 1773), ч. I; 2-е изд. (М., 1791), ч. XVI.

¹¹ Еще в первой четверти XVIII в. появилось несколько списков «Каталога или летописания бытности Архиереев Российских, где могло о которых изобрестися в писании и явно в книгах Летописцев Российских и Синописца Киевских, и Помянников и из Житий Святых и Прологов, и из иных разных по летам бытности их...», приписывавшегося св. Димитрию, митрополиту Ростовскому (†1709) (например, ГПБ, Соф. 1417). Сравнивая с ним труд Селлия, Амвросий Орнатский находит последний «несколько сокращенное, однако ж точнее и в лучшем систематическом порядке» (*Амвросий*, иером. Указ. соч., ч. 1, с. V). Следующей работой такого рода явилось упомянувшееся уже сочинение Амвросия Орнатского, 2-е издание которого (Киев, 1827) было исправлено и дополнено митрополитом Киевским Евгением Болховитиновым.

В свою очередь, в 1877 г. Археографическая комиссия издала «Списки иерархов и монастырей Российской Церкви... из достоверных источников», составленные академиком П. М. Строевым (СПб.), а в 1892, 1894 и 1898 гг. в Москве вышли три части труда известного церковного публициста Н. Н. Дурново «Иерархия Всероссийской церкви от начала христианства в России и до настоящего времени».

Общим недостатком этих работ, помимо отдельных неточностей и крайней скудости сообщаемых сведений, было отсутствие или почти отсутствие указаний на источники, содержащие сообщения о том или ином иерархе, епархии или монастыре.

Следующим трудом этого рода, изобавленным во многом от указанных недостатков, явился «Каталог русских архиереев X—XX вв.», составленный выпускником СПбДА, начальником архива и библиотеки при Святейшем Синоде К. Я. Здравомысловым, работа над которым была им окончена в 20-е гг. нашего столетия. Рукопись указанного сочинения в настоящее время находится в ГПБ (ф. 102 — архив А. И. Бриллиантова, оп. 1, ед. хр. 438—457).

¹² В 1741 г. Киево-Печерская лавра вновь решила издать Четвы-Миней св. Димитрия Ростовского (1-е изд.—1705 г.; 2-е—1711—1718). Однако на этот раз потребовалось испросить разрешение Святейшего Синода, которому в соответствии с указом Петра I от 5 октября 1720 г. (там речь идет еще о Духовной коллегии) вменялись в обязанность цензорские функции в отношении всей выходившей в России церковной литературы (ПСЗ, т. 6, № 3653). Синод такое разрешение дал, с тем, однако, чтобы архимандрит лавры с другими «учеными и... в церковных историях искусными людьми» пересмотрел прежние издания, дабы если там что «Духовному регламенту противное същется, так и недостоверное и церковными учителями и историками веры достойными не утвержденное», особо отметить и «ежели возможно будет, исправить». Впрочем, в Киево-Печерской лавре не нашлось ни достаточного числа «ученых людей», ни необходимых для такой работы книг, поскольку лаврская библиотека полностью сгорела в 1718 г. Между тем, оживление церковной жизни в России, наступившее в царствование Елизаветы Петровны, выдвигало тогда задачу скорейшего издания как этого, так и других произведений русской духовной литературы традиционного направления. Об издании Четвых-Миней св. Димитрия для удовлетворения духовных нужд славянских народов на Балканах просил также митрополит Черногорский, экзарх Сербского престола Василий Петрович. В конце концов, Св. Синод решил издать их от своего имени, поручив труд подготовки этого издания Никодиму Пученкову и Иосифу Миткевичу (*Чистович I*, с. 27—33).

¹³ *Никодим* (в мире — Никита) *Пученков*, иеродиакон, был воспитанником, а затем учителем Александро-Невской семинарии. В 1745—1756 гг. состоял ее ректором. По окончании работ по пересмотру Четвых-Миней и Киево-Печерского патерика в 1756 г. перешел в братство Хутынского монастыря в Новгороде, где настоятельством архимандрит Иосаф Миткевич. И. А. Чистович пишет, что «дальнейшая судьба его»

неизвестна» (*Чистович I*, с. 34). Согласно же Амвросию Орнатскому он «вскоре скончался» (Указ. соч., ч. 1, с. 569).

¹⁴ Решение об издании Киево-Печерского патерика Св. Синод принял в 1746 г. (*Чистович I*, с. 32—33. ЦГИА, ф. 796, оп. 27, 1746 г., д. 181). Подготовленное Никодимом и Иоасафом издание патерика вышло в Киеве в 1759 г.

¹⁵ *Чистович I*, с. 21.

Всего в Александро-Невской семинарии было 8 классов, имевших следующие наименования: 1-й — информатория, 2-й — фара, 3-й — грамматика, 4-й — синтаксима, 5-й — поэзия, 6-й — риторика, 7-й — философия и 8-й — богословие. Если сравнить это распределение с тем, которое сложилось после училищной реформы 1808 г., то первые четыре соответствовали духовному училищу, а следующие четыре — семинарии.

¹⁶ «Феатрон, или Позор исторический через Вильгельма Стратемана собранный» (СПб., 1724).

Это сочинение немецкого протестантского историка было переведено одним из приверженцев Петра I среди церковных деятелей Гавриилом Бужинским († 1731 еп. Рязанским) и в течение двух десятилетий служило в качестве популярного пособия по всеобщей истории. В 1749 г. «Феатрон» был изъят из обращения в связи с содержащимися в нем резко протестантскими взглядами на церковное предание.

¹⁷ *Чистович I*, с. 77 (ПСЗ, т. 22, № 16659, § 2—10).

¹⁸ *Бедринский Иван Иванович* († 1831) по окончании Александро-Невской семинарии проходил там инспекторскую и учительскую должность в разных классах. С 1791 г. — диакон Смоленского Воскресенского монастыря. В 1794 г. рукоположен во пресвитера к Вознесенской церкви С.-Петербурга. С 1809 г. — протоиерей и настоятель Воскресенской церкви за Литейным двором, а в 1814 г. переведен в Казанский собор. В 1825 г. награжден митрой. В 1806 г. «за катехические поучения и переводы иностранных книг на русский язык» избран в члены Императорской Российской академии* и С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности. С 1811 г. член Конференции СПБДА и Духовно-цензорного комитета. Из других его переводов в свое время пользовались известностью: «Политика из Священного Писания почерпнутая», соч. Боссюэта (СПб., 1802) и «Величие души», соч. Каракчиоли (СПб., 1803).

¹⁹ *Амвросий* (в мире Андрей Антонович) *Орнатский* (1778—1827) — сын дьячка, происходил из Устюжского уезда Новгородской еп. По окончании курса в Александро-Невской семинарии был направлен в Новгород, где состоял сначала учителем риторики и инспектором, а с 1804 г. префектом местной семинарии, приняв в 1805 г. монашеский постриг. Здесь же он начал свои церковно-исторические труды, результатом чего и явилась «История российской иерархии», первая часть которой была отпечатана в Москве в Синодальной типографии в 1807 г. В 1808 г. определен архимандритом Ново-Спасского монастыря в Москве и назначен председателем существующим Московской духовной цензуры. С 1816 г. — епископ Старорусский, викарий Новгородского и С.-Петербургского митрополита, с 1819 г. — епископ Пензенский и Саранский. В 1825 г. вышел на покой и поселился в Кирилло-Белозерском монастыре, где провел последние два года своей жизни в молитвенном уединении.

В работе над «Историей российской иерархии» существенную помощь Амвросию оказывал Евгений Болховитинов, который написал «Исторические сведения о духовных училищах в России» (ч. 1), «Введение» к описанию монастырей, а также историю монастырей Воронежской, Вологодской епархий и Пекинской миссии. Он же редактировал 2-е издание «Истории» (Киев, 1827).

²⁰ *Чистович I*, с. 102 (ПСЗ, т. 25, № 18726).

²¹ Там же.

²² *Платон*, митр. Краткая церковная российская история, тт. 1—2. М., 1805, X, 388+352 с.

²³ *Префект* — от латин. praefectus — начальник, блюститель нравов. В республиканскую эпоху (510—30 гг. до н. э.) начальник города Рима, замещавший отсутствующего консула. В средневековых католических учебных заведениях заместитель ректора и ответственный за воспитание учащихся. В XVIII в. административная структура этих заведений была обычной для всех русских духовных школ. В семинариях префект состоял учителем, а в академиях — профессором философии. После училищной реформы 1809 г. функции префекта в духовных учебных заведениях перешли к инспектору.

²⁴ *Евгений* (в мире Евфимий) *Болховитинов* (1767—1837) происходил из семьи

* От Императорской Академии наук в Петербурге следует отличать Императорскую Российскую академию, созданную в 1783 г. по инициативе княгини Е. Р. Дашковой в целях очищения русского языка и установления его норм. В 1841 г. Российская академия слилась с Академией наук в качестве Отделения русского языка и словесности последней.

священника Воронежской епархии. Обучался в Воронежской семинарии и Московской славяно-греко-латинской академии (с 1785 г.), также слушал лекции в Московском университете. Во время пребывания Евфимия Болховитинова в Москве произошло его знакомство с известным ученым Н. Н. Бантыш-Каменским, тогда же у него проявился интерес к занятиям русской церковной историей. По окончании академии он принимает священнический сан и состоит префектом Воронежской семинарии. В 1799 г., овдовев, принимает монашество и назначается префектом столичной Александро-Невской академии. В 1804 г. хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородского и С.-Петербургского митрополита. Затем последовательно занимал кафедры Вологодскую (с 1808 г.), Калужскую (с 1813 г.), Псковскую (с 1816 г.). С 1822 г. — митрополит Киевский. Во всех епархиях, где преосв. Евгению пришлось нести свое архиерейское служение, он проявлял себя как церковный историк края.

Евгению Болховитинову принадлежит «предназначение» устройства духовных училищ, составленное им в 1807 г. по поручению митрополита Новгородского и С.-Петербургского Амвросия и во многом легшее в основу реформы системы духовного образования в России. Важной особенностью этого проекта было предложение сделать из духовных академий не только высшие богословские учебные заведения, но и церковно-научные центры, «поощряющие богословскую ученость», а также наделенные духовно-педагогическими и издательскими функциями (*Флоровский*, с. 141; *Чистович I*, с. 163—165).

Митрополит Евгений оставил после себя обширное литературное наследие, главным образом посвященное вопросам русской церковной истории. Его труды в этой области, имевшие, несомненно, большое значение для своего времени, все же явили не слишком значительный прогресс в сравнении с подобными работами предшествовавших авторов (Селий, Платон Левшин, Амвросий Орнатский) в плане как научно-методологическом, так и богословском. По отзывам деятелей русской церковной науки следующего поколения, он был в истории только собирателем — «ум регистратурный» (Иннокентий Борисов), «статистик истории» (М. Н. Погодин). «В Евгении, — отмечал Филарет Гумилевский, — сколько изумляет собой обширность сведений, столько же поражает бездельность размышляющей силы» (*Флоровский*, с. 142).

Основные церковно-исторические произведения митрополита Евгения: Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-русской церкви, чч. 1—2, СПб., 1818; Описание Киево-Софийского собора, Киев, 1825; Описание Киево-Печерской лавры, Киев, 1826; История княжества Псковского, Киев, 1831; Киевский месяцеслов, с присовокуплением разных статей, к российской истории и киевской иерархии относящихся, Киев, 1832; Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. 1, М., 1838, тт. 1, 2, М., 1845. Кроме того, в бытность свою префектом Воронежской семинарии он явился первым издателем творений святителя Тихона Задонского.

Полную библиографию сочинений митрополита Евгения Болховитинова см. «Сборник материалов для биографии митрополита Евгения. Издан в память 100-летия его рождения», СПб., 1871.

²⁵ Степень кандидата богословия была установлена митрополитом Амвросием для выпускников Александро-Невской академии в 1800 г. Для ее получения необходимо было представить сочинение богословского или церковно-исторического содержания, которое затем защищалось на публичном диспуте (*Чистович I*, с. 141—142).

²⁶ Интересно отметить, что в дальнейшем некоторые биографы (Сопиков, Снегирев) приписывали эти сочинения самому Евгению Болховитинову (*Чистович I*, с. 142).

²⁷ *Чистович I*, с. 142.

²⁸ Большие расходы, понесенные Св. Синодом, в том числе и за счет училищного капитала, в связи с Отечественной войной 1812 г. и устранением вызванного ею разорения, в сочетании с недостаточными организованностью и пониманием на местах целей реформы, сделали невозможным осуществление этого плана в полной мере (см. *Знаменский П. В.*, проф. Руководство по истории Русской церкви, Казань, 1888, с. 417—418).

²⁹ *Чистович I*, с. 167.

³⁰ Там же, с. 170.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 210—214.

³³ Там же, с. 211.

³⁴ «Церковная древности, — писал Филарет, — разделяются на три главные части:

1. Древности учения могут заключать в себе исторические исследования о древних символах веры, о церковных оглашениях, о беседах; о различных видах древней богословии, так как и о важнейших творениях Отцов, сюда принадлежащих.

II. Древности богослужения должны произвесть из истинных источников и изъяснить понятия о священных местах, сосудах и одеждах, обрядах, наблюдаемых при каждом из семи таинств, и других молитвословиях, в особенности о происхождении, родах и частях литургии, также о посвященных богослужению временах, праздниках и постах.

III. Древности церковного постановления должны изобразить древнее общество христианское в его целом и частях; показать различие оглашенных и верных, мирян и церковно-служителей; изъяснить стелени церковной иерархии от епископа и патриарха до чтеца, вместе с их обязанностями и преимуществами, а после их особливия состояния аскетов, монахов, дев и вдовиц; означить свойства церковного единства и общения и, более или менее возбраняющия оное, церковные преступления и наказания. Далее следует интересное замечание: «Все сии предметы граничат и церковную историю: но проходя широким путем, она часто не имеет времени входить на сии стези» (Цит. по: *Чистович I, с. 211—212*).

³⁵ *Филарет* (в мире Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867) происходил из семьи дьякона, ставшего впоследствии протоиереем Успенского собора в г. Коломне. Обучался сначала в Коломенской, а затем в Троицкой семинарии, где проявились его замечательные способности, принесшие ему особое покровительство митрополита Московского Платона (Левшина, † 1812). В 1806—1808 гг.—учитель поэзии в Троицкой семинарии. В 1808 г. принял монашеский постриг с именем Филарет. В январе 1809 г. иеродиакон Филарет, несмотря на неоднократные просьбы в Синод митрополита Платона, был вызван Комиссией духовных училищ в Петербург, где вскоре стал ближайшим помощником митрополита Новгородского и С.-Петербургского Амвросия (Подобедова, † 1818), а также пользовался покровительством государственного секретаря М. М. Сперанского и обер-прокурора Святейшего Синода князя А. Н. Голицына. Хронологическое служение Филарета в Петербурге можно представить следующим образом:

— март-август 1809 г.—бакалавр философии и инспектор С.-Петербургской духовной семинарии, с этого же времени читает в СПБДА курс высшей риторики. На Пасху 1809 г. митрополит Амвросий рукоположил его в иеромонаха;

— август 1809 г.—февраль 1810 г.—ректор Александро-Невского духовного училища;

— с февраля 1810 г.—бакалавр догматического богословия (в помощь ректору) и церковной истории в СПБДА;

— с июля того же года ему поручено еще чтение курса церковных древностей;

— сентябрь 1810 г.—избрание в члены внутреннего правления СПБДА;

— июль 1811 г.—возведение в сан архимандрита;

— март 1812 г.—назначение ректором СПБДА и профессором богословских наук.

В этом году в связи с профессорской деятельностью им были составлены следующие труды: «Истолковательные примечания на 39 правил апостольских», «Введение в книги Ветхого Завета» (частично опубликовано: «Пророческие книги Ветхого Завета. Из академических чтений Филарета, митрополита Московского», М., 1874), «Изъяснение XVII псалма» (опубл. ПО, 1869, т. 1, с. 341—364), «Записки на книгу Бытия» (1-е изд. вышло в 1816);

— с января 1813 г.—член Российского Библейского общества. В этом году им было подготовлено «Введение в Священное Писание Нового Завета» (опубл. М., 1892);

— август 1814 г.—избрание конференцией СПБДА доктором богословия (первым в России);

тогда же — назначение членом Комиссии духовных училищ.

В 1815 г. им было написано «Обозрение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах». Тогда же вышло его сочинение «Разговор между испытующим и уверенным о Православии восточной Грекороссийской Церкви», выдержавшее потом 18 изданий;

— февраль 1816 г.—начало работ по переводу Священного Писания на современный русский язык под общим наблюдением ректора СПБДА архимандрита Филарета.

В этом году были впервые опубликованы «Записки на книгу Бытия» (выдержало 14 изданий) и «Начертание церковно-библейской истории»;

— апрель 1817 г.—назначение членом Главного правления училищ;

— август 1817 г.—хиротония во епископа Ревельского, викария С.-Петербургской епархии с оставлением в должности ректора СПБДА.

В 1817 г. был завершён первый перевод Четвероевангелия на современный русский язык. Филарет лично перевел Евангелие от Иоанна;

— март 1819 г.—назначение архиепископом Тверским и членом Святейшего Синода;

— апрель 1819 г.— избрание действительным и почетным членом Конференции СПбДА;

В 1819 г. вышло 3-е издание Четвероевангелия, к которому была добавлена Книга Деяний Апостольских в русском переводе.

Кроме того, во время служения в Петербурге Филаретом было произнесено около сорока поучений, составивших впоследствии первый том собрания его слов и речей.

В дальнейшем Филарет был архиепископом Ярославским, а с 1821 г. до своей кончины занимал Московскую кафедру (с 1825 г. в сане митрополита).

После него осталось обширное литературное наследство, к сожалению, не изданное общим собранием.

³⁶ Богата и литература о Филарете. Наиболее концентрированно и в то же время достаточно глубоко его деятельность и богословские воззрения отражены профессором протоиереем Г. В. Флоровским в «Путиях русского богословия» (глава «Борьба за богословие»); этот же труд содержит основную библиографию изданий сочинений Филарета и литературы о нем. Петербургскому же периоду его жизни посвящен небольшой, но обстоятельный очерк прот. А. А. Смирнова (М., 1894), ему же принадлежит не лишнее интереса исследование «Митрополит Филарет как автор «Начертания церковно-библейской истории» (М., 1883).

³⁷ Смирнов А., прот. Петербургский период жизни митрополита Филарета (1809—1819), с. 2; Флоровский, с. 176.

³⁸ «Начертание» Филарета выдержало 13 изданий, последнее из них вышло в 1897 г.

³⁹ Флоровский, с. 179.

⁴⁰ Филарет, архим. Начертание церковно-библейской истории в пользу юношества, обучающегося в духовных училищах. Изд. 2-е, СПб., 1819, с. I.

⁴¹ Там же, с. VII.

⁴² Там же с. IV.

⁴³ Там же, с. I.

⁴⁴ Здесь мы впервые встречаем у Филарета это выражение, вошедшее позднее в его «Катихизис» (Ср. «собрание верующих...») в качестве определения Церкви. Последнее обстоятельство вызвало впоследствии известные возражения (см. соч. свящ. Е. Аквилонова «Новозаветное учение о Церкви. Опыт догматико-экзегетического исследования», СПб., 1896). Между тем, из приведенной цитаты видно, что Филарет, находясь на вполне традиционной библейской почве, совсем не стремился придать этому определению некое всеобъемлющее значение, предлагая его лишь как указание на историческую данность Церкви, а не как полное раскрытие ее мистической сущности (Ср. *Бологов В. В.* Лекции по истории Древней Церкви, т. 1, СПб., 1907, с. 9—14, «Понятие о Церкви»).

⁴⁵ Филарет, архим. Указ. соч., с. I—II.

⁴⁶ Смирнов А., прот. Митрополит Филарет как автор «Начертания церковно-библейской истории», с. 121—124; Флоровский, с. 169.

Пособиями для Филарета служили следующие труды Буддея (Fr. Buddens): *Historia ecclesiastica Veteris Testamenti ab orbe codito ad Christum natum variis observationibus illustrata. I—II, Halae, 1715—1719; Ecclesia apostolica sive de statu ecclesiae Christianae sub apostolis commentarius historico-dogmaticus. Jena, 1729.*

⁴⁷ Флоровский, с. 169.

⁴⁸ Об этом свидетельствует перечень упомянутой литературы, предложенной Филаретом Иннокентию (Смирнову) для составления учебного курса, когда последний был определен к нему бакалавром (*Бриллиантов А.* Пресвященный Иннокентий (Смирнов), епископ Пензенский и Саратовский. Биографический очерк, СПб., 1912, с. 4—6).

⁴⁹ В академическом преподавании «Начертание» Филарета сохранило свое значение до конца 50-х гг. XIX в. (*Чистович I*, с. 299), для семинарского курса оно служило «классическим» пособием и в дальнейшем.

⁵⁰ По сложившемуся еще в Киево-могилянской академии обычаю, сохранявшемуся в русской высшей духовной школе до 40-х гг. XIX в., когда богословские дисциплины стали относиться к специальным кафедрам, профессором богословия являлся ректор, в какую-либо должность Филарет и вступил 11 марта 1812 г.

⁵¹ *Иннокентий* (в мире Иларион Дмитриевич Смирнов) (1784—1819) происходил из семьи дьячка подмосковного села Павлово (ныне — г. Павлово Посад). Обучался в Перервинской семинарии, откуда в 1804 г. перешел в Троицкую, курс которой окончил в 1806 г. Уже с 1805 г. начались его преподавательские труды. В 1805—1806 гг. он учитель низшего, а в 1806—1808 гг. высшего латинского грамматического класса. В 1808 г. учитель поэзии. В октябре 1809 г. принял монашеский постриг. В 1809—1811 гг. состоял префектом и учителем философии Троицкой семинарии. В январе

1812 г. определен бакалавром богословских наук с поручением преподавания церковной истории в СПбДА (пробыл в этой должности до выпуска I курса в 1814 г.). С 1813 г. состоял ректором С.-Петербургской духовной семинарии. Кроме того, на него возлагалось участие в чередо проповедования в соборных храмах столицы и несения обязанностей духовного цензора. Будучи противником «мистического» направления, поддерживаемого кн. А. Н. Голицыным, он пропустил в 1818 г. к печати книжку, направленную против него, за что навлек на себя гнев министра «духовных дел». Результатом этого скандала явилось назначение Иннокентия на кафедру епископа Оренбургского, которая, впрочем, по причине его подорвавшегося здоровья была заменена Синодом на Пензенскую. В Пензе преосв. Иннокентий пробыл всего несколько месяцев, снискав любовь клира и верующего народа своими добродушием и учительностью. Скончался в декабре 1819 г. от чахотки.

О нем см. биографический очерк, написанный проф. СПбДА А. И. Бриллиантовым (ХЧ, 1912, ч. 2, декабрь, с. 1374—1409) и отд. изд., СПб. (1912, 35 с.).

⁵² Бриллиантов А. Преосвященный Иннокентий (Смирнов)... с. 25.

Последнее 8-е изд. «Начертания» Иннокентия вышло в 1857 г. в Москве.

⁵³ Лебедев Ал. П. Два пионера церковно-исторической науки у нас и немногие сведения о жребиях их преемников. БВ, 1907, 2 (май), с. 143—145.

⁵⁴ Карташов А. В. Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории. ХЧ, 1903, ч. 1, с. 918—920.

⁵⁵ Флоровский, с. 192.

⁵⁶ Иннокентий, архим. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века, в пользу духовного юношества, отд. 1, СПб., 1817, с. IV.

⁵⁷ Бриллиантов А. Указ. соч., с. 4.

⁵⁸ С. Varonius. Annales ecclesiastici. 1588—1607, 12 voll. (1738—1759, 38 vol.). Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam—secundum singulas centurias perspersio ordine complectens — congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica. 1559—1574, 13 voll. (2 ed. 1624, 6 vol.; 3 ed. 1757, 6 voll.—неполные); Cl. Fleury. Histoire ecclesiastique. 1691—1720, 20 voll., continuee par Cl. Fabre, 1722—1754, 16 voll. (21—36); A. Natalis. Selecta historia ecclesiasticae capita. 1676 и дал. 30 voll.; Er. Spanheimius. Introductio ad chronologiam et historiam sacram (до конца VI в.) 1684 и Introductio ad historiam et antiquitates sacras (до X в.), 1689; J. Bingham. Origines sive antiquitates ecclesiasticae. 1724—1738, 11 voll.

⁵⁹ Ch. E. Weissmann. Introductio in memorabilia ecclesiastica historiae sacrae Novi Testamenti, maxime vero seculorum primorum et novissimorum ad juvandam notitiam regni Dei. Tubingae, 1718—1719.

⁶⁰ Лебедев Ал. П. Указ. соч., с. 143—145; также Бриллиантов А. Указ. соч., с. 8.

⁶¹ Курс собственно церковной истории Филарета—Иннокентия был разделен на пять основных периодов: 1-й — «Обновляемая церковь под видимою Главою» (евангельская история); 2-й — I—III вв.; 3-й — IV—IX вв. «Церковь под скипетром, извне по большей части спокойная и благоденствующая, внутри возмущаемая несогласиями, и наконец рассекаемая на Восточную и Западную»; 4-й — IX—XV вв. «Церковь разделенная, боримая, угнетаемая на Востоке, возникающая и растущая на Севере, преобладающая и преобладаемая духом мира на Западе»; 5-й — XVI—XVII вв. «Церковь на Западе раздробленная на многие части, на Востоке отягощаемая узами рабства, на Севере (в России) Патриаршая, благоденствующая».

Подобного рода обозначения давались и каждому веку, например, «Век второй. Гностический, колеблющийся между светом откровения и разумом, но еще пылающий пламенем Апостольским»... «Век шестый-надесять. На Западе Лютеранский, Кальвинский, Мennonитский и Социальный, на Востоке Турецкий, на Севере распространяющий веру и униатский»; «Век седьмой-надесять. На Западе покоряющийся вместо откровения, Квакерский, Пиетистский, на Севере борющийся с Самозванцами и Раскольниками, но укрепляющийся во внешнем благоденствии».

⁶² Карташов А. В. Указ. соч., с. 918—920.

⁶³ Иннокентий, архим. Указ. соч., отд. 2, с. 1.

⁶⁴ Чистович I, с. 239.

Впоследствии это суждение вошло также в «Обзор русской духовной литературы» архиепископа Филарета (Гумилевского) (кн. 2, СПб., 1861, с. 205). См. также: Бриллиантов А. Указ. соч., с. 24; Флоровский, с. 192.

⁶⁵ Чистович I, с. 299—300.

В 1861 г. И. В. Чельцов издал 1-й том своей «Истории Христианской Церкви», которая была призвана заменить «Начертание» Иннокентия в качестве академического руководства по общей церковной истории.

⁶⁶ До введения Устава православных духовных академий 1869 г. лучшие студенты,

заканчивавшие курс обучения, писали сочинение на соискание степени магистра, а остальные — на степень кандидата богословия. В дальнейшем требования к магистерским сочинениям значительно возросли. Последние предполагали наличие у магистранта серьезной и порой продолжительной подготовки. В результате магистерское сочинение становилось чаще всего основным трудом в карьере церковного ученого. Таким образом, после введения в 1869 г. академического устава, студенты, окончившие академию по первому разряду со степенью кандидата богословия, получали право написания магистерского сочинения, и по успешной его защите удостаивались степени магистра без новых устных испытаний.

⁶⁷ *Кирилл* (в мире Константин Богословский-Платонов) (1788—1841) происходил из семьи священника Московской епархии. Обучался в Троицкой семинарии и как один из лучших учеников направлен в 1809 г. на I курс СПбДА, которую окончил в 1814 г. со степенью магистра. В 1814—1817 гг. бакалавр при классе богословских наук с поручением ему чтения церковной истории. В 1817 г. переведен ректором в Полтавскую семинарию. С 1819—1824 гг. состоял ректором Московской Духовной Академии. Первым в России стал читать там свои лекции по богословию на русском языке, а не на латинском, как было принято. С 1824 г.— епископ Дмитровский, викарий Московской епархии, в 1827—1832 г.— епископ Вятский, скончался архиепископом Каменец-Польским.

⁶⁸ *Кочетов Иоаким Семенович* (1789—1854) до поступления в 1809 г. в СПбДА обучался в Тамбовской духовной семинарии. В 1811—1844 гг. состоял законоучителем Александровского лицея в Царском Селе, где, кроме закона Божия, читал курс библейской и церковной истории, канонического права и нравственного богословия, а также логики и опытной психологии. В 1814 г. окончил СПбДА со степенью магистра богословия. В 1814—1817 гг. бакалавр в классе исторических наук, читал курс общей гражданской истории. В 1817—1851 гг. преподавал в СПбДА церковную историю, с 1818 г.— в звании ординарного профессора. В 1814 г. рукоположен во пресвитера, впоследствии состоял протоиереем Петропавловского собора в С.-Петербурге. В 1828 г. избран действительным членом Императорской Российской академии, с 1846 г.— ординарным академиком Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Был инициатором создания и активным деятелем С.-Петербургского епархиального попечительства о бедных духовного звания.

Перу о. И. Кочетова принадлежат первые в России пособия по христианской этике (нравственному богословию): «Черты деятельного учения веры», СПб., 1823 (выдержало 5 изд.) и «Начертание христианских обязанностей», СПб., 1827 (выдержало 7 изд.). Участвовал в издании Академией наук «Словаря церковнославянского и русского языка» (тт. 1—4, СПб., 1842—1847), четвертый том которого был подготовлен им полностью, а также в составлении «Опыта областного великорусского словаря» (СПб., 1852).

О нем см.: *Архангельский М.*, свящ. О жизни и трудах протоиерея Иоакима Семеновича Кочетова, СПб., 1857. О работах прот. И. С. Кочетова по христианской этике см.: *Бронзов А.* Нравственное богословие в России в течение XIX столетия. ХЧ, 1901 г., ч. 1, с. 379—385.

В 1916 г. А. И. Бриллиантов подготовил для «Христианского чтения» обстоятельный биографический очерк протоиерея Иоакима Кочетова, однако по обстоятельствам времени последний так и остался в рукописи (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 77, автограф, 70 л.).

⁶⁹ *Григорович Иван Иванович* (1792—1852) — сын протоиерея Московской епархии, поступил в состав II курса СПбДА из учителей Гомельского духовного училища. По окончании академии в 1819 г. со степенью кандидата богословия принял священный сан, проходя служение в разных местах, завершив его в звании протоиерея церкви Зимнего дворца. Его перу принадлежат следующие труды: Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских из древних русских летописей, 1821; Белорусский архив древних грамот и дополнение к истории российской иерархии в отношении к Белорусскому краю, М., 1824; Сведения о жизни св. Митрофана, Воронежского чудотворца, ХЧ, 1832, ч. 46, с. 122—152; Переписка пап с российскими государями в XVI веке, найденная между рукописями Барберинской библиотеки, СПб., 1834. Им также подготовлено к печати собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского с его жизнеописанием (в 2-х чч. СПб., 1835). С 1838 г. состоял членом Археологической комиссии при Министерстве народного просвещения, а в 1839 г. назначен «главным редактором государственных юридических актов». Редактировал 1, 2 и 4 тома «Актов исторических» (СПб., 1841—1842) и «Акты, относящиеся к истории западной России» (тт. 1—5, СПб., 1846—1853). Последней его ученой работой было участие по приглашению ОРЯС в составлении «Словаря западно-русского наречия».

⁷⁰ *Порфирий* (в мире Константин Александрович Успенский) (1804—1885) происходил из семьи псаломщика Успенской церкви г. Костромы. По окончании в 1824 г. Костромской духовной семинарии состоял преподавателем греческого языка в духовном училище в г. Макарьеве Костромской епархии. В 1825—1829 гг. обучался в СПБДА, которую окончил со степенью старшего кандидата. В сентябре 1829 г. состоялся его монашеский постриг и пресвитерская хиротония. Потом свыше 10 лет он занимался педагогической деятельностью, будучи законоучителем во 2-ом кадетском корпусе в Петербурге (1829—1831) и Ришельевском лицее в Одессе (1831—1838), а затем ректором Херсонской (Одесской) духовной семинарии (1838—1841). Кроме того, с 1834 г. он состоял настоятелем Успенского Одесского монастыря в сане архимандрита. В 1841—1843 гг. — он настоятель русской посольской церкви в Вене. В 1843—1846 гг. состоялась его первая командировка на христианский Восток, во время которой он посетил Сирию, Палестину, Синай, Египет, Ливию, Константинополь и Афон, на котором провел год (1845—1846). Ему принадлежала инициатива создания в Иерусалиме Русской духовной миссии, первым начальником которой он и был в 1847—1854 гг.

В 1845, а затем в 1850 г. при посещении монастыря св. Екатерины на Синае Порфирий ознакомился со знаменитым впоследствии Синайским кодексом (IV в.), являющимся древнейшим из дошедших до нас списков греческой Библии, содержащих полный текст Нового Завета. Фрагменты этого манускрипта были обнаружены на Синае еще в 1844 г. немецким исследователем К. Тишендорфом. В свою очередь, в 1856 г. в дневнике своего второго путешествия на Синай Порфирий упомянул об изучавшейся им там четыре дня «старинной греческой рукописи на белом и тонком пергамене, содержащей часть Ветхого Завета и весь Новый Завет с посланием апостола Варнавы и книгой Ермы» («Второе путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1850 году», СПб., 1856, с. 138). Между тем, издатель кодекса Тишендорф смог увидеть всю сохранившуюся рукопись лишь в 1859 г. На основании этого в современной отечественной историографии — М. А. Коростовцев, С. И. Ходжан, архим. (ныне архиеп.) Агафангел (Саввин) — утвердилось мнение о приоритете Порфирия Успенского в открытии Codex Sinaiticus.

В 1854—1858 гг. архимандрит Порфирий проживал в Александро-Невской лавре в Петербурге, занимаясь научно-литературными трудами. В 1858—1860 гг. он вновь находился в командировке на Востоке, трудясь в библиотеках Палестины и Афона. Это время ему удалось приобрести большое количество ценных рукописей, книг и икон, доставленных им затем в Россию. С ноября 1860 по июль 1861 г. продолжалось его последнее восточное путешествие, когда он вновь посетил Египет и Афон. В 1861—1864 гг. Порфирий проживал в Петербурге, занимаясь научной обработкой доставленного им богатого материала. В феврале 1865 г. состоялась его хиротония во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. Во время своего служения в Киеве преосвященный Порфирий управлял также Михайловским-Златоверхим монастырем. С 1877 г. и до своей кончины он проживал в Москве, будучи сверхштатным членом Московской Синодальной конторы и настоятелем Новоспасского ставропигиального монастыря. В 1883 г. собранные им рукописи были приобретены Императорской Публичной библиотекой.

Сведения о жизни епископа Порфирия содержатся в его дневниках и автобиографических записках («Книга бытия моего», тт. 1—8, СПб., 1894—1902).

Его перу принадлежит множество трудов по церковной истории и географии христианского Востока, литургике, греческой палеографии и христианскому искусству. Наиболее крупные из них: Первое путешествие в Синайский монастырь, СПб., 1856; Второе путешествие в Синайский монастырь, СПб., 1856; Восток Христианский. Египет и Синай. Виды, очерки, планы и надписи, СПб., 1857; Первое путешествие в афонские монастыри и скиты, Киев, 1877, 2-е изд. М., 1881; Второе путешествие в афонские монастыри и скиты, М., 1880; Афонские книжники, М., 1885; Восток Христианский. Афон, чч. 1—3, Киев, 1887.

О епископе Порфирии Успенском и его трудах по изучению христианского Востока см.: *Агафангел*, архим. Епископ Порфирий Успенский. ЖМП, 1975, № 5, с. 76—80, № 6, с. 68—72; *Коростовцев М. А.*, *Ходжан С. И.* Востоковедная деятельность Порфирия Успенского. — В сб.: Ближний и Средний Восток. М. — Л., 1962; *Лебедев А. П.*, проф. Преосвященный Порфирий Успенский, БВ, 1904, чч. 4, 9 и 10.

⁷¹ *Сулоцкий Александр Иванович* (1812—1884) происходил из семьи причетника села Сулоцкий Ростовского уезда Ярославской епархии. Обучался в Ярославской семинарии и СПБДА, которую окончил в 1837 г. со степенью кандидата богословия-магистранта. В 1838—1848 гг. состоял преподавателем Тобольской духовной семинарии. С 1848 г. по рукоположению в священный сан состоял законоучителем Сибирского кадетского корпуса и настоятелем Никольского храма в Омске. В 1877 г. вышел

за штат в сане протоиерея. Его перу принадлежит более ста работ по церковной истории Сибири и сибирскому краеведению. Наиболее известные из них: Описание краткое всех церквей, существующих в г. Тобольске и пространное Тобольского Софийского собора (М., 1852) и Филофей Лешинский, митрополит Тобольский и Сибирский (магистерская диссертация) (ВОИДР, кн. 19, М., 1854).

Об о. Александре Сулоцком см.: *Пиоваров Б. Протоиерей Александр Сулоцкий*. Его жизнь и труды по церковной истории Сибири. ЖМП, 1985, № 6, с. 11—20.

⁷² *Бриллиантов А. И. Кирилл (Богословский-Платонов)*, архиепископ Каменец-Подольский. Биографический очерк. Материалы к работе, Пг., 1916—1917, автограф. П+46 л. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 80).

⁷³ *Бриллиантов А. И. Преподобный Иннокентий (Смирнов)*..., с. 23 (ЦИИА, ф. 802, архив Учебного комитета при Св. Синоде, оп. I, дело Комиссии духовных училищ, 1819, № 2006).

⁷⁴ Там же (ЦИИА, ф. 802, дело Комиссии духовных училищ, 1820, № 2819, л. 2—11).

⁷⁵ *Бриллиантов А. И. Указ. соч.*, с. 23.

⁷⁶ «В целом,—указывает А. И. Бриллиантов,—поправки Кочетова нового привнесли не слишком много. С внешней стороны сделано было, между прочим, то видоизменение, что IX век, с которого начинался 4-й период—разделенной церкви, был перенесен из первой части или отделения во вторую, так что начало последней теперь совпало с началом предполагаемого нового периода» (там же).

⁷⁷ Прот. И. Кочетов вполне разделял взгляды тогдашнего министра народного просвещения (в 1824—1828 гг.) и президента Императорской Российской академии (в 1813—1841 гг.) адмирала А. С. Шишкова (1754—1841) на необходимость охранения русского литературного языка от вхождения в него иностранных слов. Этому было даже посвящено его специальное сочинение «О пагубных следствиях пристрастия к чужеземным языкам» (СПб., 1840). Собственно, по предложению Шишкова Кочетов и был избран в 1828 г. действительным членом Российской академии. В то же время о. Иоаким оставался в дружеских отношениях с протоиереем Герасимом Павским в период его опалы (с 1835 г.) в связи с делом о литографированном издании его переводов ветхозаветных книг на русский язык. Между тем, как известно, Шишков, будучи приверженцем домоновской теории «о высоком и низком штилях», был одним из самых решительных противников русского перевода Священного Писания.

⁷⁸ *Архангельский М.*, свящ. О жизни и трудах протоиерея Иоакима Семеновича Кочетова, СПб., 1857, с. 17.

⁷⁹ *Флоровский*, с. 213, 217, 228 и др.

⁸⁰ Так, в 1831—1836 гг. в «Христианском чтении» публиковались переводы на русский язык богослужебных канонов, выполненные профессорами СПбДА М. И. Богословским и И. Д. Колоколовым и вызвавшие живой интерес культурной публики.

⁸¹ См. об этом: *Тиглинов Б. В.* Духовная школа России в XIX столетии, вып. 1, Вильно, 1908; *Флоровский*, с. 205—210.

⁸² *Флоровский*, с. 228.

⁸³ *Чистович I*, с. 300.

⁸⁴ Там же, с. 300, 349.

⁸⁵ Там же, с. 300.

⁸⁶ *Макарий* (в мире Михаил Петрович Булгаков) (1816—1882) происходил из семьи священника Курской епархии. Обучался в Белгородском духовном училище, Курской семинарии и Киевской академии, которую окончил в 1841 г. со степенью магистра. В том же году состоялся его монашеский постриг и пресвитерская хиротония. В 1841/42 учебном году иеромонах Макарий читал в КДА курс церковной и гражданской истории на новоучрежденной кафедре. На следующий год его переводят в СПбДА, где он трудился 15 лет, пройдя путь от бакалавра до ректора. В 1844 году он был назначен инспектором академии и возведен в сан архимандрита. В декабре 1850 г. состоялось его назначение ректором СПбДА, а в январе 1851 г. он был хиротонисан во епископа с титулом «Винницкий». В 1847 г. за сочинение «Введение в православное богословие» Макарий был удостоен степени доктора богословия. В 1857—1859 гг. он — епископ Тамбовский и Шацкий. В 1859—1868 гг.—Харьковский и Ахтырский. В 1868—1879 гг.—архиепископ Литовский и Виленский. И в 1879—1882 гг.—митрополит Московский и Коломенский.

Управляя названными епархиями, Преподобный Макарий продолжал свои труды по написанию «Истории Русской церкви». Будучи уже митрополитом Московским, он со свойственным ему ученым благородством оказал содействие профессору МДА Евгению Евстигнеевичу Голубинскому в напечатании первого тома его «Истории...». Собранные им в течение долгих лет денежные средства митрополит Макарий завещал

Святейшему Синоду для учреждения премий за лучшие научно-богословские труды, которые в дореволюционной России являлись высшей наградой для церковных ученых.

Кроме трудов по русской церковной истории и древнерусской литературе, написанных Макарием во время его службы в СПбДА, широкую известность приобрел также его фундаментальный труд «Православно-догматическое богословие» (1-е изд.: т. 1, СПб., 1849; тт. 2 и 3, СПб., 1851). Это пространное произведение хотя и было построено на патриотическом материале, однако имело в основе схоластическую схему и находилось в зависимости от западных пособий по догматике. Из них же по преимуществу заимствовались и сводка библейских и святоотеческих цитаций. Еще при своем появлении «Догматика» Макария подверглась резкой критике ряда отечественных богословов, в т. ч. Иоанна (Соколова), Филарета (Гумилевского) и А. С. Хомякова, видевших в ней фактор регресса русской богословской мысли (см. об этом: *Флоровский*, с. 220—224).

О митрополите Московском Макарии (Булгакове) см.: *Ильичева Н.* Памяти митрополита Московского Макария. ЖМП, 1982, № 10, с. 13—17; о его церковно-исторических трудах: *А. П. Митрополит Макарий (Булгаков) и академик Е. Е. Голубинский (Из истории русской церковно-исторической науки)*. ЖМП, 1973, № 6, с. 66—78.

Имеется пространное жизнеописание митрополита Макария, составленное профессором КДА протоиереем Ф. И. Титовым: «Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк», т. 1— Годы детства, образования и духовно-училищной службы... (1816—1857), Киев, 1895, V, 459 с.; т. 2— Тамбовский и Харьковский периоды жизни и деятельности... (1857—1868). Киев, 1903, 376 с.; т. 3— 1-я половина и приложения, Литовский период... Епархиальная деятельность митр. Макария в Литве, Киев, 1915, 171, ССХХХVII с.

Его церковно-историческим трудам посвящен очерк видного русского историка М. Д. Приселкова «Митрополит Макарий (Булгаков) и его «История Русской Церкви» (1816—1916», РИЖ, 1918, кн. 5).

⁸⁷ С 1842 г. ректоры СПбДА из монашествующих (из белого духовенства за всю ее историю был только один ректор — протоиерей Иоанн Леонтьевич Янышев в 1866—1883 гг.) были, как правило, в сане епископа. При этом первые из них Афанасий (Дроздов) — 1841—1847 гг., Евсевий (Орлинский) — 1847—1850 гг. и Макарий (Булгаков) 1851—1857 гг. носили титул «Винницкий».

⁸⁸ Из обширного литературного наследия Макария на период его служения в СПбДА приходится следующие церковно-исторические труды: История Киевской академии, СПб., 1843, 226 с. (магистерская диссертация, написанная еще в Киеве, но доработанная в Петербурге); История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю Русской церкви, СПб., 1846, XII, 421 с. и частями в «Христ. чтении», 1845—1846; История русского раскола, известного под именем старообрядчества, СПб., 1855, 367 с. и частями в «Христ. чтении», 1853—1854; Очерк истории Русской церкви в период до-татарский (988—1240). ХЧ, 1847, 1850, 1853, 1855—1857 и в расширенном виде: История Русской церкви, тт. 1—3, СПб., 1857.

В области истории древнерусской литературы преосв. Макарием были предприняты такие труды, как публикация в «Христ. чтении» (1849, ч. 2, нояб., дек.) «Трех памятников русской духовной литературы XI века». (Память и похвала князю Владимиру, Житие Владимира и Сказание об убийстве Бориса и Глеба). Первое из этих произведений и до некоторой степени вероятности второе Макарием усвоет мниху Иакову — предполагаемому писателю XI в., вводя это имя в историю древнерусской литературы. (В наст. время «Похвала» признается компилятивным памятником 1-й пол. XIII в., одна из древнейших частей которых, возможно, принадлежит жившему в XI в. черноризцу Иакову.) Кроме того, в «Ученых записках Второго отделения Имп. Акад. наук» Макарием были опубликованы сочинения преп. Феодосия Печерского (кн. 2, вып. 2, 1856, с. 193—224). В 1853—1858 гг. в «Известиях по ОРЯС» были напечатаны его статьи по древнерусской литературе: Еще об Иакове-мнихе (т. 2, с. 145—157); Еще о Феодосии, писателе жития Владимирова (т. 4, с. 113—116); Обзор редакций Киево-Печерского патерика, преимущественно древних (т. 5, с. 129—167); Преподобный Феодосий Печерский как писатель (т. 4, с. 273—293); О св. Кирилле, епископе Туровском, как писателе (т. 5, с. 225—263) и др.

Об этих и других работах Макария см.: *Абрамович Д. И.* О трудах митрополита Макария (Булгакова) в области древней русской литературы, Пг., 1918.

⁸⁹ Свою оставшуюся 12-томной «Историю Русской церкви» (последний ее том вышел уже в 1883 г. после кончины автора) Макарий довел лишь до Московского большого собора 1667 г. Братом покойного митрополита († 9 июня 1882) протоиереем Казанского собора в Петербурге А. П. Булгаковым были обнаружены в его бумагах план 13-го тома, который должен был завершить обозрение патриаршего периода

в истории Русской Церкви, и автограф его начальных разделов, посвященных Большому собору в Москве в 1667 г. (I. Суд над патриархом Никоном и его низложение; II. Патриарх Иоасаф II и деяния Большого собора при участии патриарха Иоасафа, изложенные в книге «Соборных деяний»), включенные им в состав вышедшего по-смертно 12-го тома «Истории» митрополита Макария.

⁹⁰ В работах современных отечественных ученых нередко можно встретить ссылки на «Историю Русской церкви» Макария, при этом нередко ему ставится в заслугу первая публикация в ней исторических документов, а его мнения часто принимаются как авторитетные. Это можно увидеть на примере ряда серьезных исторических и археографических трудов, появившихся в последнее десятилетие. Так, в превосходном издании «Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.» (подготовил Я. Н. Шапов, М., 1976) имеется 10 ссылок на макарьевскую «Историю», причем его мнение о происхождении «Устава о десятинах» князя Владимира в домонгольский период, оспаривавшееся впоследствии Е. Е. Голубинским, признается как общепринятое в современной науке (с. 12). Б. М. Клосс в своем исследовании «Никоновский Свод и русские летописи XVI—XVII веков» (М., 1980) внимательно рассматривает мнение Макария о причастности митрополита Московского и Всероссийского Даниила к составлению Сводной Макарьевской Кормчей, получившей в дальнейшем развитие в концепции поэтапного формирования этого памятника (с. 59). В свою очередь, А. Н. Сахаров в своей монографии «Дипломатия Древней Руси в IX — первой половине X в.» (М., 1980) ссылается также и на другой труд Макария — «Историю христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира», — отмечая его приоритет в некоторых разделяемых современной наукой выводах о политическом состоянии Византии во время правления Македонской династии (с. 77—78) (с 1874 г.).

⁹¹ Чистович Иларион Алексеевич (1828—1893) — сын диакона Калужской епархии. По окончании СПбДА в 1851 г. со степенью магистра состоял там бакалавром русской истории — гражданской и церковной. В 1853 г. перемещен в класс философии со званием экстраординарного профессора. В 1871 г. защитил докторскую диссертацию «Древнегреческий мир и христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека» (СПб., 1871). В 1866—1882 гг. читал также курсы философии и психологии в Императорском училище правоведения. В 1868 г. вышло первое издание составленного им «Курса опытной психологии». С 1869 г. состоял помощником ректора по богословскому отделению. В 1873 г. перешел на службу в ведомство Министерства народного просвещения. Состоял членом совета при министре, а также управляющим контролем при Св. Синоде и членом синодального Учебного комитета. В течение многих лет являлся действительным членом Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете и членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

После И. А. Чистовича осталось немало работ по русской церковной истории, преимущественно XVIII—XIX вв., выходящих в «Христианском чтении», «Временнике» и «Чтениях Общества истории древностей российских», «Записках Имп. Академии наук», «Православном обозрении», «Страннике» и «Дне». Наиболее крупными его трудами являются: История С.-Петербургской духовной академии, СПб., 1857; Феофан Прокопович и его время. СОРЯС, т. 4, СПб., 1868; История перевода Библии на русский язык, чч. 1—2, 1-е изд., СПб., 1873, 2-е изд., СПб., 1899; «Очерк истории Западно-русской Церкви», чч. 1, 2, СПб., 1882, 1884; С.-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858—1888), СПб., 1889; Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ, СПб., 1894.

⁹² Так, например, отмечая зависимость богословских трудов Феофана от «систем» лютеранских догматистов (Герхарда, Голлазия, Квенштедта и др.), Чистович пишет: «Уроки его идут светлой полосой в продолжение всего XVIII века в наших высших училищах — киевском и московском. Там и здесь скрещиваются и борются два метода и два направления — схоластическое и феофаново, и последнее, наконец, берет перевес» («Феофан Прокопович и его время», с. 37).

Не говоря уже о методах насаждения этой «светлой полосы», когда богословская дискуссия нередко превращалась в политический донос в силу протестантских пристрастий правительства в церковных вопросах, такая оценка выглядит довольно странной с позиций истории богословской мысли. Феофанов «переворот» в русском богословском образовании по сути свелся к замене схоластики католической схоластикой протестантской, также отдалявшей его от православной традиции в богословствовании. Наметившийся в XIX в. прогресс в богословской мысли и духовном образовании был возможен как раз именно как преодоление усвоенных ими феофановых «уроков». См. об этом: Флоровский, главы «Петербургский переворот» и «Борьба за богословие».

⁹³ Михайловский С., свящ. Святейший Никон, патриарх Всероссийский.— «Странник», 1863, июль, авг., сент. и отд. изд., СПб., 1863, 359 с.

Указанная работа, будучи по своему характеру популярной, представляет собой достаточно хорошо документированный очерк. Ей свойствен панегирический тон, во многом являющийся следствием зависимости автора от жизнеописания Никона, составленного его клириком Иваном Шушериним.

⁹⁴ Коялович Михаил Иосифович (1828—1891) происходил из семьи священника Гродненской епархии. По окончании СПБДА в 1855 г. со степенью магистра преподавал в Рижской и С.-Петербургской семинариях. С 1856 г. занимал в СПБДА кафедру сравнительного богословия, а в 1862—1868 гг.—русской гражданской и церковной истории, с 1869 г. и до кончины состоял профессором по кафедре русской гражданской истории. В 1869—1878 гг.—инспектор СПБДА. В 1878—1884 гг. помощник ректора СПБДА по церковно-историческому отделению. Плодотворный писатель и публицист. В своих сочинениях выступал как продолжатель линии славянофилов в философии истории, находясь на позициях «русского субъективизма».

Наиболее крупные его труды: Литовская церковная уния, тт. 1, 2. СПб., 1852 и 1862; Лекции о западнорусских братствах. «День», 1862; Лекции по истории западной России, СПб., 1864 (выдержали 4 изд.); Документы, объясняющие историю Западной России в ее отношениях к Восточной России и Польше. Изд. Археогр. комиссии, СПб., 1865; Летопись осады Пскова Стефаном Баторием. Изд. Археогр. комиссии, СПб., 1869; Дневник Люблинского сейма. РИБ, т. 1, СПб., 1872; История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 г.), СПб., 1873 (докторская диссертация); История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, СПб., 1884 — частично.

О нем: Пальмов И. С. Памяти Михаила Иосифовича Кояловича. СПб., 1891.

⁹⁵ Нильский Иван Федорович (1831—1894) в 1857 г. по окончании курса в СПБДА занял в ней новоучрежденную кафедру истории обличения русского раскола (с 1863 г.— в звании экстраординарного, а с 1870 г.—ординарного профессора), на которой трудился до самой кончины. В 1878—1885 гг. состоял инспектором СПБДА. Автор множества работ, посвященных русскому старообрядчеству, большинство из которых носит полемический характер. В историко-этнографическом отношении наиболее интересны его сочинения: Семейная жизнь в русском расколе, вып. 1, 2. СПб., 1869, 406+256 с. (докторская диссертация) и к истории раскола в Остзейском крае. ХЧ, 1885, ч. 1.

⁹⁶ Чельцов Иван Васильевич (1828—1878) происходил из семьи священника Рязанской епархии. Обучался в Рязанской семинарии и СПБДА. По окончании курса в 1851 г. назначен в ней бакалавром общей церковной истории. Занимал кафедру до самой кончины, с 1859 г. в звании экстраординарного, а с 1860 г.—ординарного профессора. В 1859—1867 гг. заведовал рукописным отделением библиотеки СПБДА, образовавшимся из Новгородского Софийского и Кирилло-Белозерского собраний. В 1871—1874 гг.—редактор «Христианского чтения». В 1869—1878 гг.—помощник ректора СПБДА по церковно-историческому отделению.

Его труды: Внешнее состояние греческой церкви с 1054 по 1204 г. ХЧ, 1857, ч. 2; Римско-католическая церковь во Франции. ХЧ, 1861, ч. 1; История Христианской Церкви, т. 1, СПб., 1861, 327 с.; Древние формы символа веры Православной Церкви, или так называемые апостольские символы, СПб., 1869, 211 с. (докторская диссертация); О павликианах. ХЧ, 1877, ч. 1 и отд. изд., СПб., 1877, 80 с. Кроме того, И. В. Чельцов принимал участие в осуществлявшихся в СПБДА переводах. Им были переведены ряд бесед св. Иоанна Златоуста на книгу Бытия (1853) и Евангелие от Иоанна (1855), три главы (5, 6 и 7) апокалитического произведения «О церковной иерархии» с примечаниями преп. Максима Исповедника и толкованием Георгия Пахимера (в «Писаниях отцов и учителей Церкви, относящихся к истолкованию православного богослужения», ч. 1, СПб., 1855); 2-й том «Истории Никиты Хониата» (1862); Послание св. апостола Варнавы (по изд. Тишендорфа) и *Comptoratium* Викентия Липринского (в «Собрании символов...», ХЧ, 1869, 1870); Литургия Постановлений Апостольских (в «Собрании древних литургий восточных и западных», вып. 1, СПб., 1874).

⁹⁷ Характеристику ученой деятельности И. В. Чельцова см. в посвященном ему биографическом очерке, написанном А. И. Бриллиантовым (ХЧ, 1911, ч. 2 и отд. изд., СПб., 1911, 52 с.).

⁹⁸ Чистович I, с. 320.

⁹⁹ Там же, с. 320—321 (см. отчет г. обер-прокурора Святейшего Синода за 1847 г., с. 56). Об этом см.: Соколов И. И. Византологическая традиция в С.-Петербургской духовной академии. Историческая справка. ХЧ, 1904, ч. 1.

¹⁰⁰ После кончины митрополита Григория (17 июня 1860 г.) Синод приостановил подготовку и печатание упомянутых переводов. В дальнейшем (в 1860—1863 гг.) разрешено было опубликовать лишь часть готового к печати материала, причем совсем не были напечатаны исторические сочинения Иоанна Кантакузена и Фризы (*Чистович II*, с. 67).

¹⁰¹ Кроме того, на границе двух периодов в истории петербургской церковно-исторической школы появляются еще два оказавшихся не лишними интереса труда, также связанных с церковной историей Византии. Это сочинение Александра Львовича *Катанского* (1836—1919) (выпускник СПбДА, 1863 г., состоявший в ней профессором по кафедре догматического богословия в 1867—1896 гг.) «История попыток к соединению церковей греческой и латинской в первые четыре века их разделения» (СПб., 1868, 245 с.), где на основании рассматриваемых источников — восточных и западных — был предпринят опыт раскрытия церковных и политических причин униональных стремлений XI—XV вв. и их неудач. И магистерская диссертация ученика И. В. Чельцова, выпускника СПбДА 1869 г. православного уроженца Сирии иеромонаха *Герасима Яреда* «Отзывы о св. Фотии, патриархе Константинопольском его современников, в связи с историей политических партий Византийской империи» (ХЧ, 1872—1873 и отд. изд., СПб., 1874, 257 с.), задачей которой явился критический разбор источников, на которых католические историки строили свое тенденциозно-негативное отношение к указанному святителю.

В 1871—1876 гг. о. Герасим († 1899 г. митрополитом Селевкийским в Антиохийском патриархате) состоял приват-доцентом открытой в СПбДА по его просьбе кафедры истории Византии. Последний факт свидетельствует о заинтересованности, бывшей на церковно-историческом отделении СПбДА в усилении учебных и ученых трудов в данной области (*Соколов И. И.* Указ. соч., с. 148).

¹⁰² *Флоровский*, с. 374.

¹⁰³ Характеристику И. В. Чельцова как руководителя церковно-исторического отделения СПбДА дает в посвященном ему биографическом очерке А. И. Бриллиантов (ХЧ, 1911, ч. 2, с. 1412—1413).

В свою очередь, в своих воспоминаниях о И. Е. Троицком проф. СПбДА П. Н. Жукович отмечал, с каким вниманием относился М. И. Коялович к ученым трудам своих коллег и задачам развития науки в бытность свою помощником ректора СПбДА по церковно-историческому отделению (1878—1884). Открытие новых кафедр и доцентур, заграничные командировки с целью специализации профессорских стипендиатов, приобретение иностранной научной литературы, публикация ученых трудов профессоров — это и многое другое находило в нем самый горячий отклик (Памяти заслуженного профессора Ивана Егоровича Троицкого. СПб., 1901, с. 4).

¹⁰⁴ *Флоровский*, с. 375.

¹⁰⁵ *Титлинов Б. В.* Ответ на «отзыв» архиепископа Антония Волинского о книге Б. В. Титлинова «Духовная школа в России в XIX столетии». К характеристике положения богословской науки в России. СПб., 1911, с. 3—4.

Автор указывает, что этот аргумент явился едва ли не основным для Синода в отказе утвердить его в степени доктора церковной истории за сочинение о духовном образовании в России в XIX в. по отзыву архиеп. Антония (Храповицкого).

¹⁰⁶ *Троицкий Иван Егорович* (1834—1901) происходил из семьи причетника церкви с. Красное Пудоожского уезда Олонецкой епархии. Обучался в Каргопольском духовном училище, Олонецкой семинарии и СПбДА. Окончил последнюю в 1859 г. со степенью магистра. В 1859—1861 гг. преподавал в Олонецкой духовной семинарии логику, психологию, патристику и латинский язык. С 1861 г. трудился в СПбДА: 1861—1863 гг. — бакалавр по кафедре греческого языка; с ноября 1863 г. — бакалавр по кафедре новой общей церковной истории; 1866 г. — экстраординарный профессор; 1875 г. — доктор церковной истории, ординарный профессор; 1880—1890 гг. — редактор «Христианского чтения»; с 1884 г. до выхода в отставку в 1899 г. — профессор по кафедре истории и разбора западных исповеданий.

В 1878—1879 учебном году И. Е. Троицкий читал также лекции по истории Древней Церкви, готовя к занятию кафедры В. В. Болотова. В 1874—1899 гг. он также вел курс церковной истории в С.-Петербургском университете, с 1884 г. в звании ординарного профессора. С 1882 г. состоял членом совета Императорского Православного Палестинского общества. С 1892 г. был членом Комиссии Св. Синода по старокатолическому вопросу. В 1886 г. находился в научной командировке в Константинополе и на Афоне. Был инициатором образования в СПбДА специальной кафедры истории славянских Церквей (с 1885 г.).

Основными трудами И. Е. Троицкого являются: Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский и арсениты (К истории восточной Церкви в XIII веке). СПб., 1873, 534 с.; Изложение веры церкви армянской, начертанное Нерсесом, кафефиоком Армянским, по требованию боголюбивого государя греков Манукла. Историко-догматическое исследование в связи с вопросом о воссоединении Армянской Церкви с Православною. СПб., 1875, IX, 339 с. Ему также принадлежит множество статей и ряд публикаций и переводов в «Христианском чтении», «Церковном вестнике», «Православном Палестинском сборнике» и др. изданиях. В частности, им был осуществлен перевод с древнеармянского Литургии св. Григория-просветителя Армении для издававшегося СПбДА «Собрания древних литургий восточных и западных» (вып. 2, СПб., 1875).

О нем см.: Жукович П. Н., проф. и др. Памяти заслуженного профессора Ивана Егоровича Троицкого. ЦВ, 1901, № 32, с. 1009—1021 и отд., изд., СПб., 1901, 26 с. Пальмов И. Памяти профессора Ивана Егоровича Троицкого. ХЧ, 1903, ч. 1, с. 677—701 (статья содержит полную библиографию опубликованных работ ученого).

Небольшая часть работ, а также автографы и студенческие записи лекций И. Е. Троицкого, читанных в СПбДА и университете, сохранились в его личном архиве, находящемся ныне в ГПБ (ф. 790). Кроме того, фонд документов И. Е. Троицкого, состоящий из 254 единиц хранения, имеется в Гос. архиве Ленинградской области (ф. 1123).

¹⁰⁷ Жукович П. Н., проф. Памяти заслуженного профессора Ивана Егоровича Троицкого, с. 9.

¹⁰⁸ Мелиоранский Борис Михайлович (1870—1906) — известный русский историк Церкви. Обучался в С.-Петербургском университете и СПбДА, ученик И. Е. Троицкого и преемник его по университетской кафедре церковной истории (с 1899 г.). В 1901 г. защитил в СПбДА магистерскую диссертацию «Георгий Киприан и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке» (СПб., 1901, XXXIX, 131 с.). Ему принадлежит целый ряд статей, обзоров и заметок, печатавшихся в «Византийском временнике» и др. изданиях. Посмертно были опубликованы его университетские чтения («Из лекций по истории и вероучению Древней Христианской Церкви», вып. 1, 2, СПб., 1910, 1912).

¹⁰⁹ Пальмов Иван Саввич (1856—1920) обучался в Рязанской духовной семинарии и СПбДА, которую окончил в 1880 г. В 1881—1884 гг. занимался в библиотеках и архивах Праги, Львова, Бауцена, Гернгута, Вены, Загреба, Лайбаха, Белграда, Софии, Константинополя, Афона, Афин, Патмоса и Бухареста. С 1885 г. читал в СПбДА курс истории славянских церквей. Особую известность как историку-слависту принесли ему фундаментальные труды по истории гуситского движения в Чехии — «Вопрос о чаще в гуситском движении» (СПб., 1881, IX, 570 с.) и «Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия», т. 1, вып. 1, 2 — Главнейшие источники и важнейшие пособия (Прага, 1904, XXIII, 463+400 с.), за которые он был удостоен соответственно степени магистра и доктора. Участвовал в работе Предсоборного Присутствия при Св. Синоде (1906). Состоял членом Славянского общества и членом-корреспондентом (с 1913 г.), а затем действительным членом Императорской Академии наук (с 1916 г.). В «Христианском чтении», «Церковном вестнике», «Славянских известиях» и «Славянском обозрении» было помещено множество его исследований, статей, заметок, отзывов и речей. Наиболее интересные из них: К вопросу о сношениях чехов-гуситов с восточной церковью с половины XV века, ХЧ, 1888—1889 и отд. изд., СПб., 1889, 85 с. Новые данные об учреждении сербской архиепископии св. Саввою, ХЧ, 1892 и отд. изд., СПб., 98 с.

¹¹⁰ В библиотеке ЛДА имеется несколько экземпляров студенческих записей лекций И. Е. Троицкого по истории и разбору исповеданий (1888/89; 1895/96 и 1896/97 уч. гг.).

¹¹¹ Флоровский, с. 374.

¹¹² См. напр., Глубоковский Н. Н. Греческий рукописный евангелистариий из собрания профессора И. Е. Троицкого. Исследование. ХЧ, 1897, 1898 и отд. изд., СПб., 1897, 256 с.

¹¹³ Болотов Василий Васильевич (1854—1900) происходил из семьи причетника собора г. Осташкова, Тверской губ. Воспитывался матерью Марией Ивановной († 1899), которая овдовела за полтора месяца до рождения сына. Обучался в Осташковском духовном училище и Тверской семинарии, где обнаружились его феноменальные способности. В 1875—1879 гг. он казеннокоштный студент СПбДА. С осени 1879 г. началась его преподавательская деятельность в академии на кафедре древней общей церковной истории в звании доцента. В этом же году состоялась защита его магистерской диссертации «Учение Оригена о Святой Троице», принесшей ему

известность в научно-богословских кругах. В 1885 г. утверждён в звании экстраординарного, а в 1896 г. — ординарного профессора СПбДА. В 1880—1885 гг. работал над докторской диссертацией «Рустик, диакон Римской церкви и его сочинения», посвящённой основному источнику по начальной истории несторианства Synodicon Lupi и проблеме его авторства. Однако обстоятельства времени не позволили ему довести эту работу до конца. С 1892 г. состоял делопроизводителем Комиссии Св. Синода по старокатолическому вопросу. С 1898 г. был редактором чиноприема сирохалдейских христиан, пожелавших воссоединиться с Православной Церковью. В 1899—1900 гг. состоял членом Комиссии по вопросу о реформе календаря. С 1893 г. — член-корреспондент Императорской Академии наук. Будучи превосходным лингвистом, Василий Васильевич владел древними классическими и рядом современных европейских языков. Занимаясь историей церкви не-греческого Востока, он также изучил коптский, сирийский, армянский, грузинский, гэз (древнеэфиопский), амхарский, арабский и персидский языки.

Ему принадлежит выработка взгляда, разделявшегося впоследствии рядом православных богословов, на римско-католическое учение об исхождении Духа Святого от Отца и Сына (ex, a Patre Filioque), как на богословское мнение (θεολογούμενον) бл. Августина. Болотов показал, что не это мнение, получившее распространение и рецепцию на Западе, явилось причиной разделения единого католического христианства, и потому оно не составляет непреодолимого препятствия (impedimentum dirimens) к воссоединению. Впрочем, на широкие перспективы последнего он смотрел скептически, видя историческую причину разделения — в папстве, этом, по его словам, «старом наследственном враге католической церкви» (см. «К вопросу о Filioque». Под ред. проф. А. И. Бриллиантова. ХЧ, 1913 и отд. изд., СПб., 1914).

Наряду с сочинением В. В. Болотова «Учение Оригена о Святой Троице» (СПб., 1879, 452 с.) широкую известность получили посмертно изданные А. И. Бриллиантовым его «Лекции по истории Древней Церкви» (ч. 1—4, СПб., Пг., 1907—1918). Среди других работ ученого следует назвать: Из церковной истории Египта. ХЧ, 1884, 1885, 1886, 1892, 1893 и отд. изд., вып. 1—4, СПб., 1885, 1886, 1892, 1893, 434 с.; Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. ХЧ, 1888 и отд. изд., СПб., 1888, 111 с.; Либери, епископ Римский и сирмийские соборы. ХЧ, 1891 и отд. изд., СПб., 1891, 119 с.; Theodoretiana Н. Н. Глубоковского Addenda-correctiva. ХЧ, 1892 и отд. изд. СПб., 1892, 164 с.; Из истории церкви Сиро-Персидской. ХЧ, 1899, 1900, 1901 и отд. изд., СПб., 1901, 197 с. Ряд материалов научного наследия В. В. Болотова опубликовался в «Христианском чтении» посмертно.

Кроме того, некоторые статьи, заметки, этюды В. В. Болотова так и остались неопубликованными. Часть из них сохранилась в его личном архиве, находящемся в настоящее время в ГПБ (ф. 88), а часть — в архиве А. И. Бриллиантова (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 433—437).

¹¹⁴ Наиболее ценные из этих публикаций: *Белостин П.*, прот. Из воспоминаний о детстве покойного профессора В. В. Болотова. ХЧ, 1900, ч. 2; *Бриллиантов А. И.* К характеристике ученой деятельности профессора В. В. Болотова как церковного историка. ХЧ, 1900, ч. 1 и отд. изд., СПб., 1901, 33 с.; *его же.* Профессор Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк. ХЧ, 1910 и отд. изд., СПб., 1910, 75 с.; ЦВ, 1900, № 16 (спец. вып.) и отд. изд. — Венок на могилу в Бозе почившего проф. СПб Духовной Академии доктора церковной истории Василия Васильевича Болотова (1 янв. 1854 — 5 апр. 1900), СПб., 1900 (это издание содержит библиографию работ, опубликованных при жизни ученого); *Уберский И.* Памяти профессора Василия Васильевича Болотова. ХЧ, 1903, ч. 1, с. 821—849.

¹¹⁵ Прот. Г. В. Флоровский пишет в связи с этим о Болотове: «Он соединил в себе дар историка и проникновение богослова. Это чувствуется более всего в его первой и молодой книге об Оригене (1879). Это исчерпывающий и образцовый анализ учения Оригена о Св. Троице, проведенный по текстам, которые автор умеет оживлять. И оживает образ самого Оригена, как бы рассуждающего вслух. Этот образ показан на живом историческом фоне, в живой череде древних писателей и богословов. Очень тонко проанализирован и сложный вопрос об отношениях арианства и оригенизма. Это есть исторический анализ, сделанный богословом...» (*Флоровский*, с. 375).

Восторженные статьи о сочинении В. В. Болотова «Учение Оригена о Святой Троице» при его появлении дали В. С. Соловьев и И. Е. Троицкий (*Бриллиантов А. И.* К характеристике ученой деятельности профессора В. В. Болотова... ХЧ, 1900, ч. 1, с. 473).

¹¹⁶ *Бриллиантов А. И.* К характеристике ученой деятельности профессора В. В. Болотова... ХЧ, 1900, ч. 1, с. 470.

¹¹⁷ Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Под ред. проф. А. И. Бриллиантова, т. I, СПб., 1907, с. IV—IX (предисловие А. И. Бриллиантова).

¹¹⁸ «О Болотове как историке,— пишет в связи с этим прот. Г. Флоровский,— всего больше свидетельствует его академический курс, изданный по студенческим записям после его смерти. Особенно важен IV том, посвященный истории богословской мысли в период вселенских соборов. Здесь сказывается в полной мере дар исторической композиции и проникновение богослова, и сразу чувствуется, что все построение методически проверено во всех частностях и подробностях. У Болотова всегда чувствуется эта особая надежность и достоверность...» (Указ. соч., с. 375—376).

¹¹⁹ Болотов В. В. Лекции..., т. I, с. 1—8.

¹²⁰ Там же, с. 11—14.

¹²¹ Бриллиантов Александр Иванович (1867—1933)—сын священника Ильинской церкви с. Цыпино Кирилловского уезда Новгородской епархии. Обучался в Кирилловском духовном училище и Новгородской семинарии. В 1887—1891 гг.—студент, а в 1891—1893 гг.—профессорский стипендиат СПБДА. В 1893—1900 гг. преподавал историю и обличение русского раскола в Тульской духовной семинарии, одновременно исполняя обязанности епархиального миссионера. В 1893 г. представил в Совет СПБДА магистерское сочинение «Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены», которое по напечатании было успешно защищено им в 1898 г. В апреле 1900 г. избран доцентом на кафедру общей церковной истории СПБДА вместо скончавшегося В. В. Болотова. С 1904 г.—экстраординарный, а с 1914 г.—по присуждении докторской степени — ординарный профессор СПБДА, в коей должности состоял до закрытия Академии осенью 1918 г. С 1900 г. был делопроизводителем Комиссии Св. Синода по старокатолическому и англиканскому вопросам. В течение ряда лет состоял также председателем Библиотечной комиссии СПБДА. Являлся членом Предсоборного Присутствия при Св. Синоде (1906), Предсоборного Совета (1917) и Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. Весной 1917 г. был выдвинут одним из кандидатов для выборов на кафедру правящего архиепископа Петроградской епархии. После закрытия высшей духовной школы в Петрограде предпринял меры к сохранению академической библиотеки, из фондов которой позднее было образовано I отделение Государственной Публичной библиотеки в Петрограде. С 1921 г.—библиотекарь I отделения, а с 1925 г.—главный библиотекарь ГПБ (по 1930 г.). В 1920—1923 гг. состоял профессором Петроградского богословского института. С 1919 г.—член-корреспондент Российской Академии наук (с 1924 г. АН СССР). Принимал участие в научной деятельности Российского Палестинского общества и Византийской комиссии АН СССР. В период церковных смут и нестроений 20-х гг. Александр Иванович твердо сохранял верность каноническому священноначалию Русской Православной Церкви. Его мнение по вопросам тогдашней церковной действительности высоко ценилось его многочисленными почитателями — иерархами, клириками и церковными учеными.

Из опубликованных работ А. И. Бриллиантова наиболее известны: Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены, СПб., 1898, VIII, 514 с.; К характеристике ученой деятельности профессора В. В. Болотова, как церковного историка. ХЧ, 1901, ч. 1 и отд. изд., СПб., 1901, 33 с.; Происхождение монофизитства. ХЧ, 1906, ч. 1 и отд. изд., СПб., 1906, 30 с.; Профессор Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк. ХЧ, 1910, чч. 1, 2 и отд. изд., СПб., 1910, 75 с.; Труды В. В. Болотова по вопросу о Filioque и полемика о его тезисах о Filioque в русской литературе. ХЧ, 1913, ч. 1, с. 431—457; К истории арианского спора до Первого Вселенского Собора. ХЧ, 1913, ч. 2 и отд. изд., СПб., 1913, 51 с.; Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 года. ХЧ, 1914, 1915 и 1916 и отд. изд., Пг., 1916, VII, 197 с.; О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника. ХВ, 1918, № 1 и отд. изд. Пг., 1918, 62 с. Кроме того, им были подготовлены для публикации в «Христианском чтении» более десятка работ, оставшихся после В. В. Болотова.

¹²² В своем «Введении в церковную историю» Бриллиантов наряду с разделами, имеющимися в «Лекциях» В. В. Болотова (работа историка, вспомогательные науки, источники церковной истории и церковная историография древнего времени), рассмотрел также западную церковную историографию нового времени от периода вероисповедной полемики XVI—XVII вв. до развития церковной истории как самостоятельной науки в связи с развитием философии, богословия и исторических наук в XIX в., отметив ее основные направления и их ведущих представителей. В основном же курсе своих «Чтений» он наряду с историей богословской мысли на Востоке (ср. ч. 4 «Лекций...» В. В. Болотова) остановился также на истории богословских споров на латинском Западе (донатизм, пелагианство, присклиллианство) (Бриллиантов А. И.

Курс лекций по истории Древней Церкви, ч. 1—2, СПб., 1900—1912 и материалы к работе (1900—1916), автограф, ГПБ., ф. 102, оп. 1, ед. хр. 42—57).

¹²³ *Бриллиантов А. И.* Курс лекций по истории Древней Церкви, ч. 1, СПб., 1900—1912, автограф (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 42, л. 2) (ср.: К характеристике ученой деятельности профессора В. В. Болотова., ХЧ, 1901, ч. 1, с. 472—473).

¹²⁴ Исследование А. И. Бриллиантова «Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены» (СПб., 1898) содержит также обстоятельные характеристики богословских воззрений св. Григория Нисского, преп. Максима Исповедника, блж. Августина и произведений, известных под названием Ареопагитик.

¹²⁵ ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 129—157.

¹²⁶ *Лебедев Д.*, свящ. Антиохийский собор 324 года и его послание к Александру, епископу Фессалоницкому. ХЧ, 1913, ч. 2, с. 838—841.

¹²⁷ В архиве А. И. Бриллиантова сохранилось 95 писем о. Д. А. Лебедева за период 1908—1923 гг. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 252—254).

¹²⁸ См. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе, ч. 3, СПб., 1906. Митрополит С.-Петербургский Антоний в качестве приложения к своему отзыву поместил 2 доклада А. И. Бриллиантова: «К вопросу об участии в соборах мирян и духовных лиц неепiscopalского сана» (с. 100—102) и «Необходимо ли введение о современной Русской Церкви системы митрополитанского и патриаршего управления в том виде, как та развивалась в древнее время в церкви греческой» (с. 102—121); Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия, тт. 1 и 4, СПб., 1906—1907. Журналы заседаний I, II и V отделений (Высшее церковное управление, епархиальное управление, церковное устройство на Кавказе и духовное образование).

¹²⁹ ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 85, автограф, 126 л.

¹³⁰ *Бриллиантов А. И.* Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 года, Пг., 1916, с. 4.

¹³¹ Там же, с. 162.

¹³² Там же, с. 179—180.

¹³³ *Соколов Иван Иванович* — выпускник Казанской духовной академии. Состоял преподавателем С.-Петербургской духовной семинарии. В 1902 г. находился в научной командировке в Константинополе, где изучал документы Патриаршего архива. С 1903 по 1918 г. занимал в СПбДА новоучрежденную кафедру истории греко-восточной церкви (с 1904 г. в звании ординарного профессора). Состоял членом Предсоборного Присутствия при Св. Синоде (1906), Предсоборного Совета (1917) и Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. В 1920—1923 г. был профессором Богословского института в Петрограде.

Основные его труды:

Состояние монастырей в Византийской церкви в половине IX до начала XII века, Казань, 1894, 536 с. (магистерская диссертация); Византологическая традиция в С.-Петербургской духовной академии. Историческая справка, ХЧ, 1903, ч. 1; Константинопольская церковь в XIX веке. Опыт исторического исследования, т. 1, СПб., 1904, XXXV, 813, 150 с. (докторская диссертация); Патриарший кризис в Константинополе. Из современной церковной жизни на православном греческом Востоке. ХЧ, 1905, ч. 1; Церковная полемика Византийского императора Исаака II Ангела. ХЧ, 1905; Богословские и священнические школы на православном греческом Востоке. ХЧ, 1906; Грузинский монастырь в Византии. ХЧ, 1906; Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XIV века (843—1353). ХЧ, 1907; Патриарший суд над убийцами в Византии X—XV веков. ХЧ, 1909; Печалование патриархов перед василевсами в Византии (исторический этюд). ХЧ, 1909; О поводах к разводу в Византии в IX—XV веках (историко-правовой очерк). ХЧ, 1909—1910; Избрание Александрийских патриархов в XVIII и XIX столетиях. ХЧ, 1911; Епархиальное управление в праве и практике Константинопольской церкви, СПб., 1914, 657 с.; Избрание Александрийских патриархов в XIX столетии. ХЧ, 1913, 1914, 1915 и отд. изд., Пг., 1916, 360 с.; Епархии Константинопольской церкви в XV—XVIII веках. ХЧ, 1916.

¹³⁴ *Чистович П.*, с. 151—152.

¹³⁵ *Николаевский Павел Федорович*, протонерей (1841—1899) — сын священника Новгородской епархии. Обучался в Новгородской духовной семинарии и СПбДА, которую окончил в 1865 г. Тогда же рукоположен во пресвитера к Владимирскому собору в Петербурге. В 1868 г. удостоен степени магистра богословия за сочинение «Русская проповедь в XV и XVI вв.» (ЖМНП, 1868 и отд. изд., СПб., 1868, 177 с.). В 1871 г. избран доцентом по кафедре истории Русской церкви в СПбДА. Занимал ее до самой кончины, будучи с 1881 г. в звании экстраординарного, а с 1897 г. —

ординарного профессора. Одновременно с 1872 г. являлся священником Свято-Троицкой общины сестер милосердия в Петербурге. В 1897 г. по совокупности трудов удостоен степени доктора церковной истории.

В центре научных интересов прот. П. Ф. Николаевского находилась история Русской церкви XVII в., которую он кропотливо изучал по находившимся в московских и петербургских архивах документальным источникам, многие из которых были впервые введены им в научный оборот. В течение ряда лет в издававшемся при СПбДА журнале «Церковный вестник» публиковал ежегодные обзоры «Отечественная церковь в минувшем году».

Основные труды:

Учреждение патриаршества в России. ХЧ, 1879—1880 и отд. изд. СПб., 1880, II, 135 с.; Из истории сношений России с Востоком в половине XVII столетия. ХЧ, 1882 и отд. изд., СПб., 1882, 67 с.; Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона с престола. ХЧ, 1883, ч. 1 и отд. изд., СПб., 1883, 27 с.; Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на Московском соборе 1666 г. Историческое исследование по неизданным документам. ХЧ, 1886 и отд. изд., СПб., 1886, 141 с.; Патриаршая область и русские епархии в XVII в. ХЧ, 1888 и отд. изд., СПб., 1888, 42 с.; Московский печатный двор при патриархе Никоне. ХЧ, 1890—1891.

¹³⁶ *Скабалланович Николай Афанасьевич* окончил СПбДА в 1873 г. Тогда же занял в ней кафедру новой общей гражданской истории со званием доцента (с 1884 г.— экстраординарный, а с 1894 г. ординарный профессор), на которой трудился до 1907 г. В 1886—1892 гг. состоял редактором «Церковного вестника».

Основные труды:

Об Апокрисисе Христофора Филалета, СПб., 1873, V, 224 с. (магистерская диссертация); Западно-европейские гильдии и западно-русские братства. ХЧ, 1875, ч. 2; Религиозный характер борьбы османских турок с греко-славянским миром (до взятия Константинополя). ХЧ, 1878, ч. 1; Политика турецкого правительства по отношению к христианскому подданным и их религии (от завоевания Константинополя до конца XVIII столетия). ХЧ, 1878, ч. 2; Галилей перед судом Римской курии. ХЧ, 1878, ч. 1; Византийское государство и церковь в XI веке, от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина, СПб., 1884, LXXI, 449 с. (докторская диссертация); Византийская наука в XI веке. ХЧ, 1884, ч. 1; Научная разработка византийской истории XI века. ХЧ, 1884, ч. 2; О нравах византийского общества в средние века. ХЧ, 1886, ч. 1.

¹³⁷ *Дьяконов Александр Петрович* (1873—1943) — сын священника Ярославской епархии. Обучался в Ярославской духовной семинарии в СПбДА, которую окончил в 1897 г. В 1898—1903 гг. состоял помощником библиотекаря СПбДА, а в 1903 г. занял там кафедру общей гражданской истории, а по ее закрытии в 1911 г. — кафедру педагогики. Кроме того, в 1912—1916 гг. состоял профессором по кафедре всеобщей истории на Высших женских историко-литературных и юридических курсах в Петрограде. С 1916 по 1930 г. трудился в Пермском университете, где состоял деканом исторического отделения и заведующим научно-учебной частью. В 1930—1941 гг. профессорские труды А. П. Дьяконова проходили в Пермском, Рязанском, Новозыбковском и Смоленском педагогических институтах. В 1940 г. удостоен ученой степени доктора исторических наук.

Основные труды:

Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды, СПб., 1908, 417 с.; Кир Батнский, сирийский церковный историк VII века. ХЧ, 1911—1912; Тилы высшей богословской школы в древней Церкви III—IV веков. ХЧ, 1913, ч. 1; К истории сирийского сказания о св. Мар-Евгене. ХВ, 1917, т. 6, вып. 2, с. 107—174 (исследование памятника, издание текста и перевод); Сирийская легенда о Мар-Хаббипе — ученике Мар-Евгена. «Известия Кавказск. историко-археологич. ин-та», Тифлис (1927), т. 5, 42 с. (исследование памятника и издание его текста по рукоп. XII в. из Британского музея add. 14733); Известия Псевдо-Захарии о древних славянах. ВДИ, 1939, № 4(9), с. 83—90; О хронологии первого восстания рабов на Сицилии во II в. до н. э. ВДИ, 1940, № 3—4, с. 12—70; Известия Иоанна Ефесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. ВДИ, 1941, № 1(15), с. 20—34; Византийские димы и факции в V—VII вв. В «Византийском сборнике». М.-Л., 1945, с. 144—227.

¹³⁸ *Садов Александр Иванович* (1850—1930) — выпускник СПбДА 1876 г. Начал преподавательскую деятельность в академии на кафедре латинского языка и его литературы с 1877 г., в 1878—1880 гг. проходил специализацию в русских и иностранных университетах, затем вплоть до 1908 г. занимал указанную кафедру (с 1887 г. в звании экстраординарного, а с 1895 г. — ординарного профессора).

Основные труды:

Виссарион Никейский, его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе и значение в истории гуманизма, СПб., 1883, XX, 282 с. (магистерская диссертация); Древне-христианский писатель Лактанций. СПб., 1895, XXV, 273 с. (докторская диссертация). Кроме того, в 1886—1916 гг. в «Христианском чтении» было опубликовано 16 его работ по истории духовной культуры древнего Рима предхристианского периода и латинской филологии.

¹³⁹ *Сагарда Николай Иванович* — выпускник СПбДА 1896 г., в 1907—1918 гг. занимал в ней кафедру патрологии (с 1911 г. в звании экстраординарного профессора), в 1911—1917 гг. состоял редактором «Христианского чтения». Его главный труд, посвященный жизни и богословию св. Григория Чудотворца, отдельными частями выходил в указанном журнале в 1912—1916 гг. Представляет интерес его работа «Новооткрытое произведение св. Иринея Лионского «Доказательство апостольской проповеди» (ХЧ, 1907, ч. 1).

¹⁴⁰ *Пономарев Александр Иванович* (1849—1911) — выпускник СПбДА 1874 г., с того же времени до 1910 г. читал в ней курс теории словесности и истории иностранных литератур (с 1901 г. в звании ординарного профессора); тогда же им был предпринят ряд трудов по истории славяно-русской духовной культуры, наиболее важным из которых вышло издание «Памятников древнерусской церковно-учительной литературы», вып. 1—4, СПб., 1894—1898 (приложение к «Страннику»).

¹⁴¹ *Жмакин Василий Иванович* — протоиерей (1853—1907) — член Учебного комитета при Св. Синоде, выпускник СПбДА 1879 г. Автор известного исследования «Митрополит Даниил и его сочинения» (ЧОИДР, 1881, кн. 1, 2 и отд. изд., М., 1881, XIV, 762, 96 с.), явившегося его магистерской диссертацией. Кроме того, им написан ряд работ по истории древнерусской литературы и русской церковной истории XIX в.

¹⁴² *Завитневич Владимир Зенонович* (1853—1927) — многолетний профессор Киевской духовной академии по кафедре русской гражданской истории, выпускник СПбДА 1879 г. Член Предсоборного Присутствия при Св. Синоде (1906), Предсоборного Совета (1917) и Поместного Собора Православной Российской Церкви: 1917—1918 гг. Наиболее значительные его труды: Палинодия Захария Копыстенского и ее место в истории западнорусской полемики XVI—XVII веков, Варшава, 1883 (магистерская диссертация); Владимир святой как политический деятель. Исследование, Киев, 1883; Алексей Степанович Хомяков, т. 1, вып. 1, 2. Киев, 1902 (докторская диссертация), т. 2. Киев, 1913.

¹⁴³ *Жукович Платон Николаевич* (1854—1919) — выпускник СПбДА 1881 г., в 1891—1918 гг. состоял там профессором по кафедре русской гражданской истории. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. Автор множества работ по истории западнорусской церкви, польского католичества и гражданской истории России. Наиболее значительные его труды: Кардинал Гозий и польская церковь его времени, СПб., 1882, VII, 542 с. (магистерская диссертация); Семейная борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.), СПб., 1901, XXI, 608 с. (докторская диссертация).

¹⁴⁴ *Здравомыслов Константин Яковлевич* — выпускник СПбДА 1887 г., служил начальником архива и библиотеки Святейшего Синода. Известен своими археографическими и церковно-историческими трудами. Важнейшие из них: Описание документов дел Синодского архива (СПб.), тт. 5, 10, 11, 14, 20, 21 и 34; Архив и библиотека Святейшего Синода и Консисторские архивы, СПб., 1906; Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях, СПб., 1908; а также: Иерархия Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени, Новгород, 1897; Каталог русских архиереев (X—XX вв.) — этот обширный труд, законченный в 20е гг., остался в рукописи (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 438—457).

¹⁴⁵ *Смирнов Петр Семенович* — выпускник СПбДА 1887 г., в 1894—1918 гг. занимал в ней кафедру истории и обличения русского раскола (с 1910 г. в звании ординарного профессора). В 1903—1911 гг. состоял редактором «Христианского чтения». Много внимания уделял изучению памятников русского старообрядчества. Автор множества работ по истории старообрядчества, опубликованных в указанном журнале. Основные труды: Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. СXXXIV, 237 с. (магистерская диссертация); Из истории раскола первой половины XVIII века. По неизданным памятникам. СПб., 1908, 233 с.; Споры и разделение в расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909, 363 с. (докторская диссертация).

¹⁴⁶ *Рункевич Степан Григорьевич* — выпускник СПБДА 1891 г. Впоследствии состоял помощником управляющего канцелярией Св. Синода и членом Синодального Учебного комитета. Член Предсоборного Присутствия при Св. Синоде (1906), Предсоборного Совета (1917) и Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. Автор ряда работ по истории Русской церкви, важнейшие из них: История Минской епархии (1793—1832) с подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православной Церковью в 1794—1796 гг., СПб., 1893, 572, XXXVII с. (магистерская диссертация); История Русской Церкви под правительством Святейшего Синода, т. 1 — Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721—1725 гг.), СПб., 1900, 428 с. (докторская диссертация); Приходская благотворительность в Петербурге. Исторический очерк, СПб., 1900, 313 с.; Русская церковь в XIX в. Исторические наброски, СПб., 1901, 232 с.; Александро-Невская Лавра, 1713—1913. Историческое исследование, СПб., 1913, 17, 999 с.; Великая Отечественная война и церковная жизнь. Исторические очерки, кн. 1 — Распоряжения и действия Св. Синода в 1914—1915 гг., Пг., 1916, 356 с.

¹⁴⁷ *Бриллиантов Иван Иванович* (1870—1934) — выпускник СПБДА 1894 г., состоял в ней помощником инспектора и преподавателем С.-Петербургских Исихорофского женского епархиального и Антониевского Александро-Невского духовного училищ. Уделял внимание вопросам краеведения, результатом чего, в частности, явился обстоятельный очерк «Ферапонтов Белоозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со дня основания 1398—1898» («Странник», 1898—1899 и отд. изд., СПб., 1899, 246 с.). Указанный труд сыграл важную роль в возбуждении церковно-общественного и научного внимания к этому очагу русской культуры XIV—XVII вв. После революции И. И. Бриллиантов продолжал труды, направленные на изучение и сохранение художественных сокровищ Ферапонтова.

¹⁴⁸ *Харламович Константин Васильевич* — известный историк духовного просвещения и православного миссионерства в России, обучался в Литовской духовной семинарии и СПБДА, которую окончил в 1894 г., состоял затем преподавателем Казанской духовной семинарии и приват-доцентом Казанского университета. Основные его труды: Западнорусские православные школы XVI—начала XVII века, отношение их к инославному, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898, XIII, 524, LXII с. (магистерская диссертация); Казанские новокрещенские школы (К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII веке), Казань, 1905, 91 с.; Архимандрит Макарий Глухарев. По поводу 75-летия Алтайской миссии. ХЧ, 1905 и отд. изд., СПб., 1905, 129 с.; Учебно-литературные труды архимандрита Макария Глухарева. ХЧ, 1905, ч. 2, с. 780—803; К биографии Вениамина, архиепископа Иркутского. ХЧ, 1906, ч. 2; П. П. Масловский и его переписка с Н. И. Ильминским. (Материалы для истории русской миссии), Казань, 1907, 129 с.; Архиепископ Казанский Владимир Петров († 1897), его жизнь и деятельность. ХЧ, 1907, 1909, 1910, 1911; Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. 1, Казань, 1914, 879 с. (докторская диссертация).

¹⁴⁹ *Сергий* (в миру Сергей Тихомиров) (1871—1945) — выпускник СПБДА 1896 г., в 1905—1908 гг. был ректором СПБДА в сане епископа Ямбургского, затем вплоть до кончины проходил служение в Японии, сначала как помощник св. Николая, архиеп. Японского († 1912), а затем как начальник Православной миссии. С 1921 г. — архиепископ, с 1931 г. — митрополит. Главный его труд «Четы церковно-приходского и монастырского быта в психовой книге Водской пятины 1500 г. (в связи с условиями жизни)», СПб., 1905, XXX, 456, 115 с. (магистерская диссертация), был посвящен состоянию церковной жизни северо-западной окраины земли Новгородской в XV—XVI вв. и вводил в научный оборот новый и интересный материал.

¹⁵⁰ *Верожский Василий Максимович*, протонерей (1874—1955). По окончании СПБДА в 1898 г. два года состоял преподавателем Самоковского духовного училища в Болгарии. С 1901 г. был помощником инспектора, а с 1903 г. преподавателем С.-Петербургской духовной семинарии. По принятии священного сана, в 1909—1928 гг. нес пастырское служение в церкви Воскресения Христова на Екатерининском канале в Петербурге («Спас на крови»). Кроме того, в 1913—1918 гг. занимал в СПБДА кафедру истории славянских церквей (с 1914 г. в звании экстраординарного профессора). В 1920—1923 гг. состоял профессором Богословского института в Петрограде, а в 1951—1955 гг. — Ленинградской духовной академии. Основные труды: Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии в первые двадцать лет ее существования и вообще Русской церкви

в конце XVII века, СПб., 1908, 683 с. (магистерская диссертация); Болгарский народ под греческой церковной властью, преимущественно в XIX в. Происхождение греко-болгарского вопроса и болгарской схизмы. Л., 1947 (машинпись) (докторская диссертация).

¹⁵¹ *Карташов Антон Владимирович* (1875—1960) — выпускник СПбДА 1899 г., в 1900—1905 гг. занимал в ней кафедру истории Русской Церкви в звании и. д. доцента. В дальнейшем служил в Императорской публичной библиотеке и занимал кафедру церковной истории на Высших женских (Бестужевских) курсах. Выступал как публицист в газете «Русское слово» и других изданиях, состоял председателем Петроградского религиозно-философского общества. В июне-октябре 1917 г. входил в состав Временного правительства в качестве министра исповеданий. Член Предсоборного Совета (1917) и Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. В 1925—1960 гг. являлся профессором Православного Богословского института в Париже.

В 1903 г. выпустил «Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории» (ХЧ, ч. 1, с. 909—922, ч. 2, с. 77—93). В дальнейшем им были написаны получившие известность курсы: Очерки по истории Русской Церкви, тт. 1—2, Париж, 1959; Вселенские соборы, Париж, 1963.

¹⁵² *Титлинов Борис Васильевич* — выпускник СПбДА 1904 г. В 1909—1918 гг. занимал в ней кафедру истории Русской церкви (с 1911 г. в звании экстраординарного профессора). В 1910—1917 гг. состоял редактором «Церковного вестника». Член Предсоборного Совета (1917) и Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В дореволюционный период круг своих научных интересов сосредоточил на русской церковной истории XVIII—XIX вв.

Основные труды:

Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам Православной Церкви, Вильна, 1905, XI, 466 с. (магистерское сочинение); Духовная школа России в XIX столетии, вып. 1, 2. Вильна, 1908—1909; Гавриил (Петров) митрополит Новгородский и С.-Петербургский. ХЧ, 1914—1915 и отд. изд., Пг, 1916, VI, 1194 с.

¹⁵³ *Покровский Николай Васильевич* (1847—1917) обучался в Костромской духовной семинарии и СПбДА, которую окончил в 1874 г. и тогда же занял в ней кафедру церковной археологии и литургики (в дальнейшем — церковной археологии в связи с историей христианского искусства), которую занимал до своей кончины (с 1883 г. в звании экстраординарного, а с 1894 г. — ординарного профессора). С 1879 г. руководил Церковно-археологическим музеем СПбДА, а с 1898 г. состоял директором Императорского археологического института. В 1893—1899 гг. нес обязанности инспектора СПбДА. Автор многих работ по истории христианского искусства и литургики. Наиболее известны его труды: Происхождение древнехристианской базилики, СПб., 1880; Стенные росписи в древних храмах греческих и русских. М., 1890; Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских, СПб., 1892; Очерки памятников христианской иконографии и искусства, СПб., 1894 (2-е изд. 1900, 3-е изд. 1910); Сийский иконописный подлинник, вып. 1—4, ПДП, вып. 106, 113, 122 и 126; СПб., 1896—1898; Лицевой иконописный подлинник и его значение для современного церковного искусства. ПДПИ, вып. 134, СПб., 1899; Церковная археология в связи с историей христианского искусства, Пг., 1916.

¹⁵⁴ Кафедра русского языка и славянских наречий (с 1884 г. — русского и церковнославянского языка и истории русской литературы) была выделена из класса словесности в 1869 г., ее первыми руководителями были видные русские филологи-слависты Антон Семенович *Будилович* (1846—1908), в 1869—1872 гг., и профессор С.-Петербургского университета Владимир Иванович *Ламанский* (1833—1914), в 1872—1897 гг. В их трудах нашла свое развитие теория о всемирно-исторической миссии православного греко-славянского мира, и особом в связи с этим призвании России. Это воззрение (панславизм) являлось в свое время в СПбДА господствующим среди церковных историков-славистов (М. И. Коялович, Н. А. Скабалланович, И. С. Пальмов, П. Н. Жукович).

¹⁵⁵ *Абрамович Дмитрий Иванович* (1873—1955) — видный русский литературовед и археограф. Обучался в Волынской духовной семинарии и СПбДА, которую окончил в 1897 г. В 1898—1909 гг. занимал в ней кафедру церковнославянского и русского языка и истории русской литературы. Затем состоял профессором ряда высших учебных заведений, в т. ч. С.-Петербургского (Петроградского), позднее Ленинградского университета, одновременно являясь старшим библиотекарем Рукописного отделения Публичной библиотеки (до 1929 г.). В 1920—1923 гг. также читал

лекции в Богословском институте в Петрограде. С 1921 г.— член-корреспондент Российской Академии наук (с 1924 г. АН СССР). В 1939—1941 гг. состоял профессором Смоленского педагогического института, а в послевоенные годы, вплоть до своей кончины,— Вильнюсского университета. Кроме того, принимал участие в деятельности Археографической комиссии, Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы и Разряда изящной словесности Императорской Академии наук (впосл. АН СССР), Историко-филологического отдела АН УССР, а в последние годы жизни состоял членом редколлегии «Словаря русского языка XI—XVII веков».

Основные труды:

Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. Изд. ОРЯС, СПб., 1902, 213 с. (магистерская диссертация); Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, вып. 1, 2, 3. Изд. ОРЯС, СПб., 1905, 1907, 1910.

Им подготовлено научное издание таких памятников древнерусской литературы, как Киево-Печерский патерик («Памятники славяно-русской письменности», т. 2, Изд. Имп. Археограф. комиссии, СПб., 1911; 2-е изд. с комментариями, Киев, 1931) и Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им («Памятники русской литературы», вып. 2, изд. ОРЯС, Пг., 1916). Он подготовил также академическое издание полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова в 5 тт. (СПб., 1910—1913), «Письма русских писателей А. С. Суворину» (Л., 1927) и некоторые другие публикации.

Кроме того, перу Д. И. Абрамовича принадлежит целый ряд работ по истории русской литературы древней и новой.

О нем: *Еремин И. П.* Д. И. Абрамович (некролог). ТОДРЛ, вып. 11 (1955), с. 506—510.

¹⁵⁶ Биографические сведения о Иване Евсеевиче *Евсееве* (1868—1921) и библиография его трудов см.: *К. Л.* Профессор И. Е. Евсеев (К 50-летию со дня кончины). ЖМП, 1971, № 12, с. 64—67.

¹⁵⁷ Идея практических занятий с рукописями и старопечатными книгами Софийской и Кирилло-Белозерской библиотек принадлежала митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Григорию (Постникову), который и распорядился в 1859 г. о передаче их в СПБДА с целью хранения и научного изучения (*Абрамович Д. И.* Описание рукописей... Софийская библиотека, вып. 1, СПб., 1905, с. VII).

¹⁵⁸ *Никольский Николай Константинович* (1863—1936) — сын видного учено-литургиста, протоиерея Константина Тимофеевича Никольского (1824—1910). Обучался в С.-Петербургской духовной семинарии и СПБДА, которую окончил в 1887 г. В 1889—1906 гг. занимал в ней кафедру гомиластики и истории проповедничества (с 1900 г. в звании ординарного профессора), а в 1906—1909 гг. — кафедру истории Русской церкви. По уходе из СПБДА в 1909 г. состоял профессором в Психоневрологическом институте и приват-доцентом в С.-Петербургском (Петроградском) университете. С 1900 г. член-корреспондент Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности, а с 1916 г. — ординарный академик. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. (избран от православных членов Академии наук). В 1918—1924 гг. — директор Историко-библиографического музея древней славяно-русской книжности, с 1920 по 1924 г. директор Книжной палаты (Института книговедения) и с 1920 по июль 1925 г. — директор Библиотеки Академии наук. С марта 1928 г. — председатель возрожденной Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы.

Литературное наследие Н. К. Никольского довольно обширно и насчитывает более 80 опубликованных работ, кроме того, ряд его трудов полностью или частично остался в рукописи и в настоящее время хранится в Архиве АН СССР в Ленинграде (ф. 247). Тематический обзор архива Н. К. Никольского см. «Архив АН СССР. Обзорные архивных материалов», т. 2. М.-Л., 1946, с. 134—140.

Основные труды:

О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, СПб., 1892, VII, 229 с. (магистерская диссертация); Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. ИОЛДП, вып. 113, СПб., 1897, IX, 328, 12 с.; Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625), вып. 1 (докторская диссертация), СПб., 1897, вып. 2, СПб., 1910; Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. ПДПИ, вып. 147, СПб., 1902; Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. Изд. ОРЯС, СПб., 1906; Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1897, 1903, 1907 (извлечено из ИОРЯС) и ХЧ, 1909, ч. 2; Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переложении. ПДПИ, т. 174. ИОЛДП, СПб., 1909, LI, 99 с.; Рукописная книжность древнерусских библиотек

(XI—XVII вв.). Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей, вып. 1, А—Б, СПб., (1914) ИОЛДП, вып. 132, XIV, 163 с.; Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам. (К истории северорусской литературы). ПДПИ, вып. 187, Пг., 1916, 43, 233 с.; Материалы к истории древнерусской литературы. Пг., 1918; К вопросу о русских письменных в житии Константина Философа. ИРЯС (1928) т. 1, кн. 1, с. 1—37; К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу, ИРЯС (1928), т. 1, кн. 2, с. 399—457; «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. 1, Л., 1930, 106 с.; К вопросу о следах мораво-чешского влияния на материалах памятников домонгольской литературы. ВАН, 1933, № 8—9, с. 5—18.

О нем см.: *Розов Н. Н.* Академик Н. К. Никольский и его научное наследие. ИОЛДП, 1966, т. 25, вып. 3, с. 256—258.

¹⁵⁹ Из автонекролога Н. К. Никольского. Цит. по: *Розов Н. Н.* Русская рукописная книга. Этюды и характеристики, Л., 1971, с. 44 (ЛО ААН, ф. 247, оп. 2, ед. хр. 170, л. 11).

¹⁶⁰ Этот труд Н. К. Никольского оказался опубликованным не полностью, оставшиеся в рукописи его части находятся в ЛО ААН (ф. 247). (*Розов Н. Н.* Указ. соч., с. 45.)

¹⁶¹ В библиотеке ЛДА имеется несколько экземпляров литографированных лекций Н. К. Никольского по гомилетике и истории проповедничества (1898/99, 1901/02, 1903/04 и 1905/06 уч. гг.) и студенческая запись его лекций по истории Русской церкви (1906/07 уч. г.).

¹⁶² *Никольский Н. К.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. ПДПИ, вып. 147, СПб., 1902, с. 1.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же, с. 31.

¹⁶⁵ Картоотека Н. К. Никольского, пополнявшаяся до его кончины в 1936 г. и хранящаяся ныне в Отделе рукописей Библиотеки АН СССР, содержит 174 тыс. карточек. В дальнейшем была продолжена ее систематизация, впрочем, оставшаяся незавершенной. В завершенном виде, по мысли Н. К. Никольского, его картоотека (включая дубли) должна была приблизиться к 2 млн. единиц. (См. *Андрианова-Перетц В.* Картоотека Н. К. Никольского. ВЯ, 1961, № 1, с. 121—125; *Покровская В.* Картоотека академика Н. К. Никольского. ТБАН, вып. 1, 1948, с. 142—150; *Шmidt С. О.* Некоторые источниковедческие вопросы изучения истории русской книжности.— В сб.: Книга в России до середины XIX века, Л., 1978, с. 47—51.)

¹⁶⁶ Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Под ред. акад. Н. К. Никольского. Изд. АН СССР, Л., 1929, с. 14—15.

¹⁶⁷ Там же, с. 1—3.

¹⁶⁸ Там же, с. 13—14.

¹⁶⁹ *Никольский Н.* Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переложении. ПДПИ, вып. 174, СПб., 1909, LI, 99 с.

Позднее видный чешский ученый Я. Вашица издал реконструированный текст данного перевода, снабдив его критическим аппаратом: J. Vašica, Druhá staroslověnska legenda o sv. Václavu, úvod a text s českým i latinským prekladem. «Sbornik staroslověnských literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmíle», ed. J. Vajs, Praha. 1929. p. 69—135.

¹⁷⁰ *Воронов А. Д.* О латинских проповедниках на Руси Киевской в X и XI веках. ЧИОНЛ, кн. 1, 1875—1877, Киев, 1879, с. 13.

¹⁷¹ *Востоков А. Х.* Убиение св. Вячеслава, князя Чешского. МВ, 1827, № 17.

¹⁷² *Никольский Н.* Указ. соч., с. Л.

¹⁷³ См.: Материалы к истории древнерусской литературы, Пг., 1918, с. 1—14 (ср. *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнерусского церковного права, Ярославль, 1888).

¹⁷⁴ См. *Павлов А. С.* Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. ЧОДЛП, 1891, 1892 и отд. изд., М., 1892.

¹⁷⁵ Из них опубликованы: К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу. ИРЯС (1928), т. 1, кн. 2, с. 399—457; К вопросу о следах мораво-чешского влияния на материалах памятников домонгольской литературы. ВАН, 1933, № 8—9, с. 5—18.

¹⁷⁶ *Никольский Н. К.* «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем рус-

ском летописании, вып. 1, Л., 1930, гл. 1 «Загадочное молчание «Повести временных лет» о начале русской письменности» (с. 7—19) и далее.

¹⁷⁷ Изучение западно-восточно-славянских литературных связей осуществлялось в дальнейшем, преимущественно, чешскими славистами. Имеющиеся историко-филологические наблюдения в этой области можно суммировать следующим образом.

Об особых связях восточнославянских земель с чешско-моравской областью в древнейшую эпоху славянской письменности свидетельствует, прежде всего, то обстоятельство, что большинство известных ныне памятников церковнославянской письменности чешско-моравского происхождения X—XI вв. дошли до нас в восточнославянских списках и были хорошо известны восточным славянам. В связи с этим следует упомянуть, как оригинальные произведения — житие св. Вячеслава, оказавшее влияние на автора «Сказания о свв. Борисе и Глебе», и служба ему, жития свв. Людмилы и преп. Прокопия; так и чешско-моравские переводы с латинских оригиналов — беседы св. Григория Великого (Двоеслова) на Евангелие, несколько молитв и правил об епитимьях, а также жития некоторых святых (мч. Вита, мц. Анастасии, «Георгиево мучение», Аполлинария Равенского, папы Стефана I и Гумпольдово житие св. Вячеслава).

См. по этому вопросу новейшую библиографию и комментарии: *E. Bláhová, V. Konzal, A. I. Rogov. Staroslovenské legendy českého povodu, Praha, 1976; F. W. Mareš. An Antology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. «Slavische Propyläen», 127, (1979), München.*

¹⁷⁸ См. *Никольский Н. К.* К вопросу о церковной реформе. Проект заявления группы профессоров С.-Петербургской духовной академии. ХЧ, 1906, ч. 1, с. 177—203; *его же.* К вопросу о церковной реформе. Собор или съезд? М., 1910.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ— Вестник древней истории.

ИОРЯС— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, СПб.-Пг.-Л., 1896—1927.

ИРЯС— Известия Академии наук СССР по русскому языку и словесности. Л., 1928—1930, 3 тома.

КДА— Киевская Духовная Академия (Киев, 1819—1920).

ЛДА— Ленинградская Духовная Академия (Ленинград).

ЛО ААН— Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (Ленинград).

МВ— Московский вестник. М., 1827—1830.

МДА— Московская Духовная Академия (Сергиев Посад, 1814—1919).

ОРЯС— Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук (с 1917—Российской Академии наук, с 1924—Академии наук СССР), Петербург-Петроград-Ленинград, 1841—1930.

ПДП/ПДПИ— Памятники древней письменности/Памятники древней письменности и искусства (с 1898), СПб.-Пг.-Л., 1878—1925, 190 выпусков.

ПО— Православное обозрение, М., 1860—1891.

ППС— Православный Палестинский сборник, СПб.-Пг., 1881—1916, 63 выпуска.

ПСЗ— Полное собрание законов Российской Империи (собрание первое, с 1649 по 12 декабря 1825 г.), СПб., 1830, 45 томов.

РИБ— Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией, СПб.-Пг.-Л., 1872—1927, 39 томов.

РИЖ— Русский исторический журнал, Пг., 1917—1922, 8 книг.

РО МГАМИД— фонд Рукописного отдела библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел Российской империи, с 1925 г. в ЦГАДА (ф. 181).

Рум.— собрание графа Н. П. Румянцева, в 1861 г. легло в основу Московского публичного и Румянцевского музеев, ныне Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ, ф. 256).

Сол.— собрание библиотеки Соловецкого монастыря, с 1928 г. в ГПБ (ф. 717).

СОРЯС— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, СПб.-Пг.-Л. 1867—1928, 101 том.

Соф.— собрание библиотеки Новгородского Софийского собора, с 1919 г. в ГПБ (ф. 728).

СПБДА— Санкт-Петербургская (с 1914—Петроградская) Духовная Академия (Петербург-Петроград, 1809—1918).

ТБАН— Труды Библиотеки Академии наук СССР, Л., с 1948 г.

ТОДРЛ— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Л., с 1934 г.

- Флоровский — Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. Изд. 2-е.
ХВ — Христианский восток, СПб.-Пг., 1912—1922, 6 томов.
ХЧ — Христианское чтение, СПб.-Пг., 1821—1917.
ЦВ — Церковный вестник, СПб.-Пг., 1875—1917.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).
ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, Киев, 1879—1914,
24 тома.
Чистович I — Чистович И. А. История С.-Петербургской духовной академии, СПб., 1857.
Чистович II — Чистович И. А. С.-Петербургская духовная академия за последние
30 лет (1858—1888). СПб., 1889.
ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при
Московском университете, М., 1846—1918, 264 книги.
ЧОЛДП — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, М., 1863—1917.
-